

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ СТАРИЦКИЙ
ГОРЕЦ.
ОРУЖЕЙНЫЙ БАРОН

Горец

Дмитрий Старицкий
Горец. Оружейный барон

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Старицкий Д.

Горец. Оружейный барон / Д. Старицкий — «АЛЬФА-КНИГА»,
2016 — (Горец)

ISBN 978-5-9922-2160-2

Если по воле рока ты оказался в чужом мире, будь осторожен, ибо разницу менталитетов никто не отменял. Другой мир – это даже хуже, чем эмиграция. Но что не убивает тебя, то делает сильнее. Послезнание развития техники становится не только благом, но и проклятием, привлекая внимание сильных мира того. И еще на ногах веригами повисла любимая жена с грудным ребенком. А вокруг война, которую историки потом назовут мировой. Поняв, что прогресс возможен только на основе реально существующих технологий и имеющейся квалификации туземных специалистов, Савва Кобчик не только патентует вещи «из будущего», но и окружает себя энтузиастами, которых достаточно «опылять» проверенными временем идеями и уводить от тупиковых решений – остальное они сделают сами. За создание первого в этом мире пулемета на автоматическом принципе Савва становится бароном, но никак не своим среди местной аристократии, для которой он выскочка, парвеню и нувориш. А влетев в самое кубло политических интриг, находит свое спасение только на фронте, на самой передовой. В сконструированном самим же бронепоезде.

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2160-2

© Старицкий Д., 2016
© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

1	6
2	12
3	19
4	24
5	29
6	34
7	39
8	44
9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Старицкий

Горец. Оружейный барон

1

Когда к горцам приезжает на побывку родня из других мест на месяц, то ее две недели встречают и две недели провожают, не вставая из-за стола. Пока всех не обойдут, не успокоятся. Но только не весной и не осенью. Сев и сбор урожая – вещи более святы, нежели ублажение сродников. В это время любого приبلудного родственника моментально припадут, как бы его ни уважали.

Посему за накрытым в саду столом мы гуляли только один вечер. Но гуляли все, вместе с извозчиком, который привез меня сюда с вокзала. Выпивка с нас, закуска с хозяев.

После первой рюмки на меня нахлынули воспоминания. Места навеяли забытые мысли о том, как я ненароком попал сюда. Сюда – это на гору Бадон, что в Реции, марке большой серединой империи. Гору, на которой я появился в этом мире столь обыденно и просто. Пошел в подмосковном лесу грибы собирать. Наклонился за подберезовиком, разогнулся, и здравствуйте-пожалуйста... вы находитесь в совсем другом месте. И даже не на Земле. Спасибо, приютила меня семья кузнеца Оле, а то даже не знаю, что бы со мной тут случилось без знания местных языков вообще.

И первой, кого я тут встретил, была Элика. С козой...

С тех пор на хуторе двоих уже похоронили.

И один родился.

Кузнец Оле, у которого я трудился подмастерьем-молотобойцем, меня и наладил отсюда в армию, когда заметил женский интерес ко мне своей подросшей племянницы. «Опоздал тогда кузнец...» – ухмыльнулся я чему-то своему, поднимая очередной стакан под здравицу в мою честь. Но настроение у меня от этой мысли поднялось.

В отличие от Оленых сыновей Элика сидела со всеми за столом – мать уже! Считай, взрослая. Рядом со мной угнездилась, но к вину не притрагивалась. А то как же? Она мать кормящая. Ей, пока сына от груди не отнимет, ничего, кроме воды и молока, не положено даже в рот брать. С этим в горах строго.

А ребенок в сторонке на лавочке сидит на руках у няньки – наемной девицы шестнадцати лет, блондинки невзрачной внешности. Нянька и заодно юной матери подружка, чтобы не скучала. Эту за стол не сажают по малолетству, хотя Элике она ровесница, но девица еще.

Элика, уверившись и утвердившись в своем новом статусе матери законного ребенка – как же, отец его на руки взял, признал! – несколько осмелела и все пыталась у меня что-то тишком выпрашивать.

– Потом, все потом, – дал я ей укорот, любуясь ее красивым лицом. – Имей, женщина, терпение.

И она от меня отстала. Но, думаю, только до ночи... Как только все спать наладятся... Женское любопытство, оно такое... Сильнее кошачьего.

Извозчик, как и обещал, деньги с нас брать отказался. И я, прощаясь, подарил ему новенький длинный штык-нож старого образца – с пилой на обухе, и наказал пригнать на хутор упряжку волов с плугом за отдельную плату. Очень мне не хотелось с тяпкой на поле весь отпуск надрываться, но никуда не денешься: весенний день год кормит. А на хуторе всего две пары мужских рук. Это если меня не считать с денщиком.

Возница уехал пьяненький и довольный. Угостили. Клинок подарили. Уважили.

Денщика определили на ночь в бывший мой чуланчик, а меня с почетом – в комнату покойного деда.

Когда все в доме уgomонились, тихо скрипнув дверью, пришла Элика. Не забыв предупредительно накинуть крюк на дверь, в полной темноте уверенно подошла и села на край кровати. Нашупав мою ладонь, сжала ее и сказала:

- Спасибо, что не отказался от своего сына.
- Это же мой сын. Как я могу от него отказаться? Кстати, как назвали?
- Пока никак. Сын и сын.
- Непорядок.
- Непорядок. Но сына должен называть отец. А тебя не было.
- Я воевал.
- Тебя никто и не винит.
- У тебя руки холодные.
- А ты согрей.
- Уговорила. Ложись рядом.
- Если ты захочешь, то мы уйдем вместе с тобой.
- Кто – вы?
- Я и твой сын.
- Куда уйдете?

– Туда, куда уйдешь ты. В мир ушедших богов. Там у вас лучше, чем здесь? Войн нет, наверное, совсем.

– Все у нас там есть. И хорошее и плохое. Только у меня там семья: родители, братья, сестры...

– Моя семья теперь ты.

– Мне надо будет вернуться в Будвиц после отпуска. У меня обязательства перед королем Бисером. Но там война. Так что спокойнее будет растить сына здесь.

– Какой длинный шрам у тебя на спине появился. Это саблей?

– Нет... пульей.

– Как долго я тебя ждала... Чего только не выслушала от Оле и его жены, когда у меня живот на нос полез. Дед выручил. Цыкнул на них и приговорил: чей бы бычок ни прыгал, а телятко наше. Он умер, когда сыну было уже три недели. И был так счастлив, что у него именно правнук. А мне наказал тебя дожидаться и уходить вместе с тобой. Он говорил, что вы всегда стремитесь вернуться домой, в свой мир ушедших богов.

– Так я тут такой не первый?

– На моем веку первый. А дед ваших видел не раз.

– И куда они подевались?

– Кто?

– Попаданцы?

– Какие попаданцы?

– Люди из мира ушедших богов, которые сюда попали.

– А я знаю? Дед про то не рассказывал. Сказал только, что ты будешь время от времени пытаться уйти домой. Что вы все такие.

– Что это потекло?

– Молоко...

– Надо же... сладкое какое. Часто доишься?

– Я тебе что, коза?

– Козочка... Иди ко мне.

– А-а-а-ах... милый... как долго я тебя ждала.

Утром всех отправили в лес за диким чесноком, а то сезон уходит. Солить его зеленые побеги и мариновать будем. Младенца Элика забрала с собой, неся на хитром плечевом подвесе. Я с народом отправил денщика, вооруженного пистолетом. Якобы для охраны. Но на самом деле мне надо было остаться один на один с хозяином. Решить без лишних ушей некоторые щекотливые вопросы.

– Дядя Оле, а что это твои сыновья в каких-то непонятных опорках ходят, когда я вам обуви выслал целый короб? – спросил я, глядя вслед уходящим со двора добытчикам.

– Какая обувь? – ответил он вопросом на вопрос, невинно лупая глазками.

– Посылки от меня осенью разве не дошли до вас?

– Ты это про тюки в рогоже пытаешь?

– Именно.

– Так тут они все, в сарайке. Пойдем покажу.

В чистой пристройке к конюшне, закрытой на хитрый Оленой работы замок, все мои посылки лежали штабелем. С нетронутыми почтовыми печатями. Я даже не представлял, сколько всего я смог добыть на полигоне всего лишь за самовар и самогонный аппарат. Отправлял-то частями. И как все это мимо контрразведки прошло? Или еще какой военной юстиции.

– Тут все, – сказал кузнец, отпирая дверь. – Ничего не пропало, не беспокойся. Тебя дожидается.

– Так это все вам... – озадаченно произнес я.

– А я знал? Рассудили так: приедешь, сам разберешься со своим барахлом. Вот и разбирайся. Нам никто никаких наказов от тебя не передавал.

«Да... Реликты, – подумал я. – В моем мире ушедших богов за такую честность давно в психушку кладут». И понял, что этот мир мне как-то больше нравится, чем мой.

– Ну давай разбираться, что тут где... – вынул я из сапога наваху.

Закончили разбор моих посылок ближе к вечеру, когда уже наши добытчики домой потянулись, обрывая руки под тяжестью корзин. Так что ухахались мы с кузнецом преизрядно. Пришлось на ходу импровизировать – вешало в сарае городить, плечики из веток и проволоки, чтобы все развесить – проветрить.

– Ну и куда нам столько всего? – озадачил меня Оле, после того как штуки разнообразной мануфактуры, иголки да нитки с другой мелочью унес в дом.

Шинели, парки, бушлаты, безрукавки, мундиры старых образцов висели плотно. Обувь стояла на полу в три ряда. Рухлядь овчинная в углу друг на друге кучей. Еще целый штабель патронных цинков и длинный оружейный ящик.

– А что, у тебя семья маленькая? – ответил я вопросом на вопрос. – Одни твои четверо мальчишек – та еще сороконожка.

– И не говори, – согласился Оле со мной и как-то сразу сник. – Мне с тобой, Савва, не расплатиться... Нет у меня таких денег.

– А я у тебя денег не прошу.

– А что тогда? – озадачился кузнец.

– За сыном моим да за Эликой присмотрите, пока я на войне. И ладно.

– Значит... С собой ты их не забираешь? – выдал кузнец потаенные свои желания.

– Куда? На войну? В окопы? Думай, старый, что говоришь.

– Ну да... оно понятно... – замялся он, но тут же напустил на себя строгость. – Имя хоть сыну дал?

– Дал... Митя. Дмитрий.

– Странное имя.

– Отца моего так зовут.

– Что родителя своего почитаешь, уважаю. Хорошо это. По-людски.

– О!.. И фотки мои здесь! – воскликнул я, увидав в самом углу плоские картонные посылочки. – Вы даже их не открывали?

– Ничего мы не открывали, – буркнул Оле. – Отец-покойник наказал: ты приедешь, сам разберешься, а нам шариться по чужим вещам грех. Хотя жену мою постоянно подмывало посмотреть, что здесь. Ну так баба любопытней кошки, сам знаешь.

Тут и пестрая кошка в сарай заглянула, как бы подтверждая жизненные наблюдения хозяйина. Чихнула от поднятой нами пыли, зевнула, не нашла для себя ничего интересного и с достоинством удалилась.

– Значит так, дядя Оле. Патроны в картонных коробках тащи в дом – там они сохраннее будут. В цинках можешь здесь оставить – ничего им не станется. Не течет тут у тебя вроде крыша, сухо. Винтовки, которые не будешь прямо сейчас пользоваться, оставь в ящике, они в пушечном сале на длительном хранении. И...

– От... Поучи меня еще, как ружье чистить... Фельдфебель... – язвительно высказался кузнец. – Это ты там у себя фельдфебель – в роте, а тут ты зять.

Что на это возразить? И слов таких нет.

Только и успели, что магазинку и два левера¹ утащить в дом и патроны, которыми я в коробках докладывал пустоты в оружейном ящике, как притащились добытчики и сразу оккупировали стол в саду – дикий чеснок разделявать, пока не увял.

– С оружием все потом обсудим, – тихо предупредил меня Оле. – Кто меньше знает, тот крепче спит.

Кузнецу сразу досталось от жены за то, что рассол не готов, не говоря уже об ужине. Видно, что приготовилась баба хорошенько поскандалить «в своем праве». На что тот без лишних разговоров взял ее ласково за локоть и отвел в сарай. На выставку подарков.

Вышла оттуда кузнецова женка просветленная. Как из церкви после исповеди. Вытирая углы глаз платком, подошла ко мне, обняла, приговаривая тихо, практически на ухо:

– Вот оно как в жизни бывает, как мать моя говорила: кинь хлеб за лес – потом найдешь. Кто бы мог подумать, что с тебя такой добытчик объявится? Телок телком был, когда со своей горы спустился. Непутевый... Но теперь я спокойная за Элику. Ты прости меня, Савва, что я ее ругала по-всякому за то, что она дала себя обрюхатить. Ты ее в жены возьми. Она хорошая, работающая... – и добавила с обозначением собственной значимости: – И сыновей умеет рожать...

Мужик, который притащился к нам на хутор на медлительных флегматичных волах, запряженных в телегу, загруженную сохой и бороной, сразу уперся рогом.

– Сам пахать буду. Мои волы и работа моя.

Ввиду того что помимо аренды волов и инвентаря за свой труд непрошенный помощник запросил по-божески, я возражать не стал. Нельзя убивать в людях желание трудиться. Тут-то полей всего две террасы на склоне горы. Одну гречкой Оле засеет, другую, по моему совету, горохом – больно там земля тощая, которую подкормить не грех.

Под ногами у опытных мужиков путаться – только мешать. Взяли мы две винтовки, вычистили их и пошли с денщиком на охоту в горы. Мяса свежего добыть.

– Предупреждала меня Элика, что все так и будет – не дадут мне на чужих волах пахать, – усмехнулся я, когда мы выбрались на дорогу, ведущую к заимке. – «Готовь, Савва, монеты», – сказала, как предрекла. Я поначалу не поверил...

– Командир, ты не обижайся, но я тебе скажу прямо. – Денщик встал на дороге, переложив винтовку с плеча на плечо. – Жена твоя – ведьма. Не смотри, что малолетка еще.

¹ **Лев**ер – винтовка или ружье с рычажным затвором.

– Все бабы ведьмы, канонир. Только одни красивые и с сиськами, а другие – их подружки, – перевел я этот странный разговор на шутку.

– Ну, если смотреть в таком разрезе... То да, согласен, – весело захохотал Тавор.

– А сам-то что не женат? Лет-то тебе достаточно, чтобы свои сыновья уже бегали за девками.

– Я, командир, зверь редкий, – ответил денщик гордо. – В неволе не размножаюсь.

Весенний лес в горах только-только нежный бледно-зеленый лист выбросил. Ореховые кусты пока совсем голые стояли. Новая трава уже пробивалась сквозь прошлогоднюю палую листву. Красота вокруг... И воздух целебный. Запахи...

Сильно захотелось свежего березового сока, да вот только нет тут в горах берез.

Бродили долго, но без толку, никого так и не обнаружив. Чуткий зверь шарахался от нас, издали обнаруживая. Всей пользы с той охоты, что оружие пристреляли.

Обедали в охотничьей заимке тем, что с собой нам Элика в торбу сунула. Сковородку на керосинку. Бутерброды на сковородку. Потом чем-то кофейным из местных запасов эту сухомятку залакировали.

– На охоте домашнее есть последнее дело, – недовольно заметил денщик.

– Вот-вот, – откликнулся я. – Был у меня аналогичный случай. Мальцами еще взяли нас родители с собой на охоту по осени, на перелетную птицу. На лесные озера. Первым делом, как добрались, поели. Отец ружье за спину, собаку свистнул и пошел по камышам шуровать. Тут мой младший братишка нам и заявляет: «Я есть хочу». Мать удивленно на него смотрит. Только что со всеми налопался – за ушами пицало. «Да ешь, – говорит ему. – Кто не дает?» «Не-э-э-эт, – заявляет гордо. – Я есть хочу то, что папка убьет». Пять лет ему было тогда.

– А где твоя семья, командир? – задал денщик скользкий для меня вопрос.

– Нет моей семьи, канонир. Один я тут. Горы... – глянул вверх я на плато, где до поры скрывался от взора сумрачный берендеев лес. Не говорить же ему, что семья моя совсем в другом мире. Где? Бог его знает. Тем более что бог отсюда уже ушел.

Денщик тактично переспрашивать меня не стал. Легенды о войнах кланов в горах и разные страшилки о горской кровной мести жителями долин транслировались охотно, хотя я тут пока еще ни одной вендетты² не видел. А сами горцы больше делают в таком случае, чем говорят.

Все же добыли в этот день мы пару небольших диких козочек недалеко от карьера с горячим камнем. От двух разных стад. Метров за четыреста сняли. По очереди.

Одну неудачно – упала в расщелину. Хорошо еще веревку с собой по наказу Оле захватили. В горах без веревки шастать не след. А так бы... прощай добыча.

Пришлось денщика обвязывать для спуска – он помельче меня в корпусе и полегче будет, и опускать вниз помалу, держа веревку через спину, привязав к дереву другой ее конец. Из нас альпинисты те еще...

Потом козочку мне одному наверх тягать. То еще удовольствие.

А за ней и самого денщика вытаскивать из каменного плена. Веревка-то одна.

Вырубили подходящую слегу, привязали тушки коз к ней за ноги. И таким макаром со слегой на плечах пошли паровозиком домой. Добычей хвастать. И на грудь накатить законным образом тем, что после праздника осталось. Мы тут, конечно, все выпить не дураки, но ящик сразу не осилили.

Встретили нас на подворье аплодисментами, как прим на бенефисе.

Догадливая родня заранее на хуторе баньку протопила, потому как воняло от нас с денщиком после того, как мы козу из расщелины вытаскивали, как от самых натуральных козлов. И посему питье алкогольсодержащих жидкостей пришлось оставить на потом. Сначала тушки

² **Вендетта** (ит.) – частная война по причине кровной мести.

коз разделать, шкуры присолить и только потом уже отмываться от засохшей крови всем мужским коллективом.

Баня местная чем-то сауну финскую напоминала. Сарай каменный, изнутри гладко оструганными досками обшит и полки сделаны. Предбанник крохотный. Печка снаружи топится и греет твердые камни и воду во вмурованном бронзовом котле уже внутри. Воздух сухой и очень горячий. Только вот веничком особо не похлестаться. Битком туда набилось – нас пятеро да еще Оленых пацанов два да два.

После нас там бабы с удовольствием парились. Не торопясь. А я в отстиранных и выглаженных за время нашей охоты старых штанов и домотканой рубахе, что в моей первой посылке из армии нашлись, все это время с сыном на коленках сидел. Нянчился. Козу пальцами ему делал. Тот смеялся. Потом заплакал. И качая его на руках, ждал я с тоской, пока мамка отмоется и заберет у меня младенца, с которым я особо и не знал, что делать в таком случае. А тот просто жрать хотел.

Вот когда довольные румяные бабы из бани вышли, то я с облегчением отдал им сына и только тогда смог с чистой совестью накатить на грудь оземской сливовицы. Догнать Оле с подмастерьем и пришлым пахотным помощником. Они за день одну террасу вспахали и проборошили уже. У меня бы так быстро не получилось. Да и пахут тут совсем по-другому, чем у нас под Калугой. Скорее скребут землю двурогим бронзовым сошником, чем пахут.

Ну им виднее... Самое глупое – это механически переносить агротехнические привычки одной климатической зоны в другую без осмысления местного векового опыта. Это как при Хрущеве на целине получилось... пахали там казахскую степь, как на Украине привыкли. Первый год – рекордный урожай, который не знали куда девать, а на второй год местный ветер весь потревоженный плодородный слой сдул. Впрочем, там и спросить, как надо, не у кого было. Уральских да сибирских казаков извели, а казахи-скотоводы землю пахать никогда не умели.

Помню только, что в прошлом году мы здесь мотыгами обходились. Да и не сеяли столько. Но тогда был мир. Все что хочешь в любой момент закупить легко в долине на ярмарке. А сейчас война. Война она запас любит.

Денщик субординацию блюл, терпеливо ждал и выпил только со мной уже.

Хорошо сливянка пошла под копченый сыр. Душевно. В преддверии чистой любви... каковая только и бывает после бани.

Но сначала шашлык. Замариновался уже. Хотя козочек мы добыли и молодых, все же своя барашка помягче дичины будет. Только козочка вкуснее... Впрочем, горячее сырым не бывает... Особенно под это дело. Да под смешной рассказ, как мы это мясо добывали.

Только Элика сначала сына покормила. Вон как мамкину сиську тербит. С пузырями.

2

Неделю наслаждался отдыхом по хозяйству, а потом, когда посевная на полях и огородные посадки закончились, я что-то заскучал, чего со мной с детства не случалось – вырос сам на таком же хуторе. Так что когда на десятый день отпуска прискакал к нам в горы на хорошей гнедой лошади расфуфыренный посыльный с города, я внутренне уже был готов к переменам. Хотя и не осознавал еще этого активно.

– Кто тут будет Савва Кобчик? – спросил вестник, не слезая с седла.

– Ну я... – воткнул топор в пень, на котором с удовольствием колол дрова. – А ты сам-то кто таков будешь?

– Яго Польдверт, личный фельдъегерь его светлости маркграфа Рецкого с эстафетной депешей к гвардии старшему фельдфебелю Савве Кобчику, – отдал он мне воинское приветствие. – Могу я увидеть документ, свидетельствующий о вашей личности?

– Тавор, неси мою солдатскую книжку, – крикнул я денщику, который в это время укладывал третий ряд поленницы у стенки конюшни.

Сухих стволов мы повалили с денщиком в окрестном лесу богато, ветки обрубил да, прицепив их по одному к упряжке арендованных волов, пока наши пахари занимались севом, сволочили на хутор. И вот третий день развлекаемся с денщиком на дворе пилкой и колкой дров. Какие подлиннее и потолще – для камина, покороче и поуже – для печек. Все для того, чтобы сын мой тут не вымерз зимою.

Пока денщик ходил за моими бумагами в дом, оттуда выскочила жена Оле и подала фельдъегерю ковшик шипящей бражки. И тот с видимым удовольствием ее выпил и даже показал, как последние капли с ковшика на землю падают – уважил хозяйку.

Внимательно прочитав мое удостоверение, фельдъегерь достал из ташки³ с серебряным вензелем нашего правителя засургученный пакет и подал его мне. С поклоном. Иначе с седла стоящему на земле человеку передать бумаги и не получилось бы.

– Отобедаете? – пригласила вершника жена кузнеца.

– Благодарствую. С удовольствием бы... но служба. Мне еще пару адресов навестить, а вы так далече в горы забрались...

И ко мне повернулся:

– Господин старший фельдфебель, распишитесь на квитанции, она к пакету приклеена с обратной стороны. Оторвите ее и отдайте мне. Благодарствую. Я могу быть свободен?

– Езжай, если обедать не остаешься, – махнул я рукой.

Не успел в чистом горном воздухе растаять перестук копыт, как в моей голове зазвучал полковой горн.

– Что там, командир? – любопытствовал денщик.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – ответил я назидательно. – Иди давай, дрова докладывай в поленницу и найди, чем ее сверху от дождей прикрыть. У Оле рогожку попроси какую...

Когда денщик отошел, я сломал все пять сургучных печатей на узлах прошивки пакета и... с облегчением выдохнул. В пакете был не отзыв из отпуска, а всего лишь приглашение на личную аудиенцию к маркграфу. Через три дня.

После ужина, когда весь народ уже встал из-за стола, я заявил дяде Оле:

– Собирайтесь, послезавтра в город поедem.

³ **Ташка** – плоская кожаная сумка, крепившаяся к поясу на длинных лямках. Входила, к примеру, в обязательную амуницию гусар.

– Надобности нет, – возразил мне кузнец.

– Надобность есть. Меня тут к местному начальству вызвали. Депешей.

– Ну а мы тут при чем? – возразил он мне.

– А вы при мне. Сына надо в городе оформить по документам на меня. Брак с Эликой зарегистрировать. Случись что со мной, чтобы они воинскую пенсию получали. Я бы тебя и не дергал, но не знаю, где что тут делают да в какие двери стучать.

– Брак зарегистрировать... – передразнил меня Оле. – А девушку ты спросил? Может, она и не пойдет за тебя.

– Как это? – оторопел я.

– А вот так... – усмехнулся кузнец и, повернувшись к жене, собирающей со стола грязную посуду, сказал ей: – Мать, ты это... Элику сюда позови. Скажи – сваты приехали.

Та с готовностью подорвалась и быстро скрылась в доме.

Через полминуты на крыльцо выбежала рассерженная, раскрасневшаяся Элика с ребенком подмышкой и закричала злобно:

– Дядя, гони всех сватов отсюда поганой метлой! Ни за кого я замуж не пойду! Вот вам мой сказ.

Ногой для доходчивости топнула и скрылась в доме, крутанув широкой длинной юбкой.

– Слыхал?... – захихикал Оле. – Что теперь скажешь?

Да-а-а-а... Облом Обломыч подкрался, откуда его не ждали.

– Ну... а теперь можно и о приданом поговорить, – уже в голос ржал кузнец. – Коли сойдемся в цене... – Он сделал многозначительную паузу. – Я ведь могу и воздействовать на племяншку. В твою пользу. Слово одно волшебное знаю... Так что ты в приданое за ней взять хочешь?

– Сына своего и жменю горного тумана, – ответил я, начиная сердиться. – И право в любой момент вернуться сюда – жизнь она штука такая... Неизведанная. Остальное все у меня есть. Или будет.

Кузнец помолчал немного и высказался:

– Мой дом – твой дом, Савва. Даже если ты и не женишься на Элике. Сын и так твой по обычаю – ты его признал. Семь лет ему исполнится, так хоть забирай его отсюда. Твое право. А тумана в горах на всех хватит. И еще останется.

Я его выслушал и добавил:

– Еще есть у меня одно условие... Если меня, не дай ушедшие боги, на войне убьют, то опекун моего сына – ты. И профессии его обучишь. Всем секретам наравне с собственными сыновьями. Без изъятий. По рукам?

– По рукам, – согласился кузнец и протянул мне свою жесткую ладонь. – Вот теперь почти по-людски сладились. А то... в город... все вскочили и побежали... по команде фельдфебеля. Понимаю я, что у тебя отпуск короткий. Но нельзя же так... на бегу... Положено обручение отпраздновать и только через полгода свадьбу играть. Как дедами нам завещано.

Тут жена Оле снова пришла собирать грязную посуду.

Кузнец на нее посмотрел хитро так. Женщина в ответ прыснула, закрыв концом платка нижнюю часть лица, вызвав ответную улыбку кузнеца.

«Чей-то они тут темнят, – подумал я. – Уж больно морды у них какие-то хитрые».

– Как, мать, отдадим этому оболтусу Элику? – спросил ее кузнец.

Женщина дробно закивала, подхихикивая. Но соглашаясь, судя по всему.

– Тогда зови эту козу сюда еще раз.

Правда, сначала жена кузнеца с женой подмастерья вымыли всю посуду. Потом поставили на стол стаканы и легкую закуску, оставшиеся бутылки вина из моего ящика и кувшин бражки для любителей.

Позвали Элику. На этот раз она пришла одна, оставив ребенка на попечение няньки. Села за стол с прямой спиной. Спросила сердито у Оле:

– Ну и кто на этот раз возжаждал моей доли в этом хозяйстве? С горы или с долины?

А ей идет сердиться. Как-то сразу ее мягкая красота становится при этом четче, выпуклей, а глаза так и сверкают звездчатыми сапфирами.

– Не с горы, не с долины, не крестьянин, не купец, а принц с дальнего королевства сватается... – нараспев проговорил кузнец. – Да ты его знаешь... Вот он сидит, – показал рукой на меня. – Года не прослужил, а уже целый лейтенант. Не хухры-мухры... Савва, а ты что тут молчком, как сам засватанный.

Выражение лица девушки стало малость отрешенно-обалдевшим.

– Савва попросил у тебя моей руки? – спросила она кузнеца, словно не веря его словам.

– Да, – подтвердил сказанное дядя Оле. – Только ты приказала сватов его гнать поганой метлой. Что ты на это скажешь?

Элика встала, потеревшая в руках пояс от юбки и, опустив глаза в стол, задумчиво промолвила:

– Я подумаю.

– Да что тут думать? – обиженно воскликнул я.

Блин. Тут считаешь себя подарком богов, принцем на белом коне, а тебе «я подумаю...» И кто? Мать моего же ребенка! Девица порушенная...

– Я подумаю, – уже тверже сказала Элика. – Ибо зачем мне муж, который сбегает от меня за тридевять земель?

В положенное время на пару с денщиком в полной парадной форме ольмюцкой гвардии мы сошли с наемной пролетки у ворот загородного замка рецкого маркиграфа. Из оружия на этот раз взяли только холодное, как устав и предписывает.

Солнце уже стало порядком прижаривать, а мы в форме, придуманной и пошитой для более умеренного климата. Как бы не взопресть...

Часовому у ворот я предъявил письмо с приглашением. Тот вызвал унтера – начальника караула, который в свою очередь ознакомился с приглашением, и только потом нас провели через плац в приемную залу замка.

– Вас, господин фельдфебель, прошу немного обождать здесь. О вас доложат. А вы, ефрейтор...

– Гвардии старший канонир, – обиженно поправил его Тавор.

– Простите... Старший канонир... – поправился унтер. – Вам придется обождать своего патрона в кордегардии, где вам предложат прохладительные напитки.

И они ушли, оставив меня одного. От нечего делать я стал рассматривать теснящиеся на стенах картины. Судя по некоторой примитивности композиций и изображений, картины эти были старые, но очень эффектные, как у Пиросмани или Босха. В основном они изображали битвы в горах. И только одна – портрет. Бородатый, косматый, носатый воин с суровым взглядом. Совсем не блондин. Русский и кареглазый. Поверх кольчуги облачен в просторный белый налатник. Императорский ополченческий крест изображен в области сердца. В правой руке зажато древко копья. А на левой ладони он держит зеленую гору со снежной вершиной. Больше картина походила на старые русские иконы, нежели на портрет.

– Любуетесь на моего предка, флигель-адъютант? – раздался сзади бодрый голос.

– Здравия желаю, ваша светлость, – поздоровался я, обернувшись.

Маркиграф стоял в дверях один. Никакой свиты. Кареглазый блондин с седыми «буденновскими» усами.

– Любой знатный род, какой бы он древний ни был, – продолжил свою речь маркиграф, – когда-то начинался с человека, которого никто не знал. На картине, а этой доске больше пяти

сотен лет, изображен первый рецкий маркграф Отон. Мой прямой предок. Единственный, кому в древности удалось разбить рецкое ополчение, после чего рецкие горцы признали его своим общим вождем, чтобы не было так обидно от проигрыша. Его, а не императора. Императору же, в войске которого он служил всего лишь сотником наёмных пикинёров, пришлось назначить рекомаго Отона местным маркграфом с прямым вассалитетом. Хотя, как доносят до нас устные предания, монарх этого вовсе не хотел – у него были для такого высокого поста свои кандидатуры, из ближников. Не хотел... потому как происхождения этот сотник был самого что ни на есть подлого – крестьянского. Но в официальных хрониках его лживо выводят изначальным имперским рыцарем, хотя этого звания он не добился, даже став маркграфом Реции. Вы не будете против, если я стану называть вас просто по имени? Как видите, у нас с вами для такого простого общения одинаковые корни.

И задорно улыбается в усы.

– Почту за честь, ваша светлость, – откликнулся я, склонив голову.

– Вот и хорошо, – кивнул его светлость и вернул мое внимание к галерее. – Остальные картины изображают победы рецкого ополчения в разных битвах. Как вам известно, они под водительством потомков Отона не проиграли ни одной до появления дальнобойного огнестрельного оружия. А сейчас я бы предложил пройти на террасу, выходящую в мой маленький сад, где мы можем насладиться видом на горы и продегустировать зеленое вино прошлогоднего урожая с моих виноградников. Прошу за мной.

Мы прошли через анфиладу парадных комнат на большой балкон, с которого действительно открывался прелестный вид на горы. Там по приглашению принимающей стороны мы уселись около небольшого круглого столика в плетеные из рогоза кресла.

– Я очень рад, что вы приняли мое приглашение, – сказал хозяин замка, когда ливрейный слуга разлил по бокалам вино.

«То ли маркграф так прикалывается, – подумал я, – то ли ему от меня действительно что-то очень надо. Но послушаем для начала хозяина, а там будем посмотреть...»

Вино оказалось легким и очень неплохим на вкус, несмотря на свой необычный травянистый цвет.

– Прекрасная лоза, – похвалил я.

– Да... прекрасная... – повторил за мной маркграф, – но только всего год после урожая. Потом это вино грубеет, вытягивая из бочки больше древесных соков, чем того требуется. А в бутылках годовалая выдержка зеленого вина живет не более трех лет, превращаясь после этого срока в уксус. Увы... Но это не коммерческий сорт. Это для души. Себя побаловать да гостей угостить. К тому же с одного только склона горы такое вино получается, хотя вроде бы и сорт винограда одинаковый. Но... в других местах это просто неплохое белое вино, которое только в имперской столице продается тысячами бутылок.

Маркграф поставил бокал на стол и развел руками.

– Осмелюсь полюбопытствовать, ваша светлость, как я подозреваю, вы меня позвали не для того, чтобы угощать редким вином.

– Почему же... – возразил хозяин. – Принимать у себя дома первого героя этой войны, призванного в армию с моей земли, для меня честь. К тому же меня гложет любопытство, что такого в вас нашел Бисер, которого я знаю как весьма серьезного и здравомыслящего человека еще с Пажеского корпуса, где я командовал его учебным взводом.

– Не могу вот так вам сразу на это ответить, ваша светлость, сам многого не понимаю в причинах королевской ласки ко мне. Разве только то, что я спас от плена молочного брата его сына.

– А вот приbedняться, Савва, нехорошо. Никогда не умаляй себя сам... Это охотно делают другие, – усмехнулся маркграф. – Причем с большим удовольствием. Человек по большому счету порядочная скотина. Его держит в рамках только мораль. Ослабнет в обществе

градус морали, и все полетит в тартарары. Вот как вы думаете, какая проблема будет стоять перед нами после этой войны, уже превратившейся в бойню, в которой участвуют миллионы? Такого ведь еще никогда не было.

И смотрит на меня внимательно. Я бы даже сказал, заинтересованно.

– Слишком много людей на этой войне научатся легко убивать себе подобных, ваша светлость. Ценность человеческой жизни подвергнется инфляции. Одних только сошедших с ума пулеметчиков будут считать на сотни. А о послевоенном разгуле криминала я уже и не говорю.

– Сошедшие с ума пулеметчики? Я правильно расслышал?

– Все правильно, ваша светлость. Вы слышали о тактической новинке армии восточного царя – психической атаке?

– Не довелось.

– А вот мне в санатории рассказали. Дивизия идет в атаку чуть ли не парадным шагом. В плотной колонне. В красных кителях. Под барабанный бой и флейту. С развернутыми знаменами. Убитых в первых рядах моментально заменяют задние ряды, и такая видимость создается, что ты стреляешь, стреляешь, а все без толку. Кажется, что враг от пуль заговоренный. Двух пулеметчиков из полка отправили в дом умалишенных. А атаку еле-еле отбили в штыковую. Была бы нейтральная полоса метров на двести уже... тот офицер, который мне это рассказывал, не брался прогнозировать удачной обороны.

– Да... занимательно... Но откуда царцы собираются при таких потерях брать пополнение?

– Пленный их офицер на этот вопрос ответил, что их бабы еще нарожают.

Маркграф задумался, отпил из бокала.

– Но это означает, что кадровую армию они перемелют за первый год войны. Не так ли?

– Похоже на то, ваша светлость. Но и наша армия стачивается, несмотря на то что стоит в глухой обороне на хороших позициях.

– А те, кто придет им на смену, – не обратил он внимания на вторую часть моего ответа в своих рассуждениях, – будут уже не так хорошо обучены и стойки. Опять-таки, Савва, во главе всего стоит мораль. Вы согласны?

– Согласен, ваша светлость. Только вот мораль в обществе саморегулируется самим обществом. Семей в первую очередь. Насадить ее вряд ли получится. Легко насаждается только порок.

– Интересная мысль... Чай, кофе или есть особые предпочтения?

– Чай, если нетрудно.

– Слугам не трудно, – усмехнулся маркграф и хлопнул в ладоши.

Слуги внесли еще один столик, на который следующая ливрейная пара поставила двухведерный самовар красной меди. Явно не моего производства. Быстро мои бабки отбивают оземцы.

Намек я понял. Но решил подождать прямого предложения. Все равно припадут, так что нечего самому на левую работу напрашиваться.

С нашего стола убрали вино и бокалы, поставили чашки с блюдцами, сахарницу, мед в сотах и блюдо с микроскопическими пирожными – на один укус. Я так понял, они такие специально подают, чтобы не вести бесед с набитым ртом.

– Как вы, Савва, посмотрите на то, чтобы вступить в Рецкое политехническое общество в качестве члена-корреспондента?

Я чуть не поперхнулся великолепным чаем.

– Я-то, может быть, и положительно на это посмотрю, но все будет зависеть от мнения действительных членов общества. Не так ли, ваша светлость?

Поставил я чашку на стол.

– Вы проницательны, Савва. Даже если принять во внимание, что ваш покорный слуга является председателем этого общества и к моему мнению там прислушиваются, однако все мое преимущество, согласно Уставу, равняется двум голосам вместо одного на баллотировке. Но...

– Вот именно, ваша светлость, все упирается в «но»... У меня только неполное среднее образование.

– А год назад, насколько мне известно, у вас не было никакого образования. Вы даже писать и читать не умели. Так?

– Так, ваша светлость. Ваше досье на меня не врет.

– Это хорошо, что вы понимаете, что такое предложение не делается с бухты-барахты.

– Что от меня требуется, ваша светлость? – не стал я тянуть кота за хвост.

– Да всего лишь пустяк... – лукаво улыбнулся маркграф в свои большие усы. – Парочка зарегистрированных во Втуце патентов типа этого самовара. С условием, что производство будет развернуто здесь, у нас... вы же патриот Реции?

Я кивнул, а правитель продолжил:

– Оживление экономики. Рабочие места. Налоги... и все такое прочее...

– Я так понимаю, что это должно быть что-то, облегчающее людям быт. Потому как что-либо военное, согласно указу императора, я обязан продать государству по его цене.

– Не обязательно. У меня достаточно влияния в столице, чтобы локализовать такое производство в своей столице, а не в центре, особенно если оно не будет очень сильно коптить. Были раньше планы организовать здесь престижный зимний курорт. Но теперь это уже все на после войны. Только вот в чем загвоздка – изначальное сырье должно быть местным. Такой аргумент просто необходим для лоббирования своей сторонки, – улыбнулся он. – Транспортная экономия при загруженности железных дорог в военное время дорогого стоит.

– Я не в курсе местной экономики, ваша светлость. Я в ней принимал участие только как кузнец и покупатель на ярмарке.

– Не прибедняйтесь, Савва. Я состою в переписке с Бисером и, наверное, в курсе всех ваших дел, – кинул его светлость на стол свой старший козырь.

Ох ни фиги себе фиги... Я-то думаю, что на своем полигоне как мышь спрятался под венник, а обо мне тут монархи переписываются.

– Ваша светлость, надеюсь, эта переписка идет не по общей почте? – забеспокоился я. – Многие вещи, на которые вы намекаете, составляют военную тайну империи.

– За это можете быть спокойным, фельдфебель. Мы переписываемся посредством фельдъегерей, как то у государей и принято. Или передаем послания с оказией. Вот поедете вы назад к месту службы, то и вас как человека проверенного я также нагружу почтой к Бисеру. Официально, как флигель-адъютанта его королевского величества.

– В наших горах есть хрусталь?

– Есть. Много. Прозрачный, дымчатый, розовый, лиловый...

– Пробовали из него варить оптическое стекло?

– Пробовали. Даже варим. Но телескопические подзорные трубы не дают сейчас той прибыли, какой бы нам хотелось – призматические бинокли с севера империи активно вытесняют их из обращения. Сейчас мы делаем только линзы для морских дальномеров. Дорогой товар, но этого мало, чтобы полностью занять квалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих. Простой хоть и оплачивается по закону в половину среднего заработка, но вылетает в солидную сумму в итоге для владельцев предприятия.

– Его королевское величество наверняка писал вам, что я не инженер и расчеты – моя слабая сторона. Идею, принцип я могу предложить, даже схему прибора изобрести, а вот довести что-то до готового продукта мне пока слабо. Да и времени на это нет.

– Я это знаю, – оживился маркграф. – А что, есть уже идеи?

– Предприятие, о котором вы говорили, ваша светлость, находится в вашей собственности?

– Скажем так... это мануфактура на паях, – ответил он уклончиво.

– Идея есть. Наблюдательный прибор, который поможет командирам высоких рангов следить за противником, не высываясь из окопа командного пункта вообще. То есть, не подвергая себя риску погибнуть от шальной пули. Такое интересно? Если да, то пришлите ко мне своего патентного поверенного.

– Прекрасно, – подвел нашей беседе итог маркграф. – Теперь я понял, что в вас нашел Бисер. Со своей стороны, – так как императорская премия не будет большой, – я вас стимулирую тем, что если эти ваши приборы поставит на вооружение военное ведомство, то вы получите в нашем предприятии пай в два процента от уставного капитала. Плюс к этому будете получать от предприятия роялти – по одной серебряшке с каждого проданного прибора...

– И на каждом приборе будет стоять надпись «Кобчик-патент», – твердо заявил я.

Наглеть так наглеть, решил я. В деньгах, как видно, меня тут уже обули.

– Несомненно, – согласился маркграф. – Вас отвезут, куда вы скажете, в моей карете. И... если будут еще идеи, то приносите их уже оформленными патентному поверенному.

Маркграф встал и упрекнул меня напоследок:

– А все-таки такие простые и нужные вещи, как этот самовар, ты, Савва, мог бы отдать и своим землякам в работу. Хороших ремесленников, настоящих мастеров тут много. Успевай только им медный лист подвозить, – маркграф даже цыкнул разочарованно.

– Не мог, – ответил я с едва сдерживаемой злостью. – Не потому что не хотел, а потому что сначала в госпитале раненый валялся, потом в тюрьме сидел. Поверенный вопрос с лицензиями в мое отсутствие провернул.

3

Свадьбу не играли.

Брак не регистрировали.

Элика просто взяла с собой ребенка, няньку, пару баулов с пеленками, три узла с полуботками и валенками, детскую колыбельку, ружье с патронташем и уехала со мной. Сама. Я так и не понял, ради чего ей стоило так выпендриваться столько времени? Даже от койки меня отлучать на целую неделю. Только в последнюю ночь пришла – не выдержала. В итоге я же оказался и виноват, что она «столько времени потеряла».

Но мне, по совести, не до вздорностей бабских было – днями я чертил. А потом при свете купленной в городе керосиновой лампы писал пояснительные записки к чертежам. И отдельно составлял по положенной форме протокол новизны принципа изобретения.

Так появились в этом мире те приборы, которые я неплохо знал по Российской армии.

Ручной перископ разведчика. Простейший триплекс с двумя металлическими зеркалами. Чтобы из-за препятствия что-либо высмотреть, себя не показывая.

Командирскую стереотрубу на два перископических рога и однорогий монокулярный перископ для офицеров рангом пониже. Штатив к ним. Механику винтовой наводки на резкость. Как с четырехкратным увеличением, так вообще и без него для передовых окопов. По номенклатуре четыре разных изделия получилось.

Бленду навесную фибровую, чтобы блеск оптики от вражеского наблюдателя скрыть и свой глаз от солнечных лучей уберечь. И на свои приборы, и на бинокли.

Заодно светофильтры из дымчатого и лилового хрусталя на байонетном креплении.

Ударил себя по макушке за забывчивость и подал заявку на патент самого крепления.

Оптический прицел на винтовку типа неубиваемого русского ПУ-4 с крестовиной из конского волоса и диоптрической установкой окуляра. С двумя маховиками ручного наведения. Простейший полуторакратный оптический прицел тут и так делали, но из-за особенностей затвора штатной винтовки ставили его по-скаутски – вынесенным далеко вперед. За новизну выдал не столько сам прицел, а именно боковой кронштейн на него, чтобы стрелку можно было открытыми прицельными приспособлениями одновременно пользоваться, а также возможность быстро ставить с ним прицел на винтовку и снимать его.

Отдельно написал записку, что этот прицел можно и на пулеметы ставить и на пушки до трехдюймового калибра.

И раз пошла такая пьянка, то не только начертил и описал, но и заказал маркграфу на его мануфактуре триплексы наблюдения на бронепоезд и большой телескопический перископ для командира с возможностью выдвигать его механически по зубчатой рейке на два метра выше крыши вагона. Кругового обзора, с ручками складывающимися, резиновым налобником – все как на подводной лодке. Даже проще – не надо хитрые сальники выкаблучивать, чтобы они воду не пропускали.

Трезво подумав, саму подводную лодку чертить не стал... Не ко времени еще. Потом как-нибудь, когда у меня авторитет уже будет в глазах больших начальников из имперской канцелярии.

Заодно Оле подарил идею и чертеж швейцарского офицерского ножа «о двенадцати лезвиях» с ножницами и штопором, набором инструментов, необходимых для разборки оружия, обязав его первый изготовленный десяток выслать мне. В подарочном исполнении с ручками из кости – на подарки для маркетинга. И тоже запатентовал его, а лицензию оформил на Оле.

Удобный механический пробочник на зубчатом колесе с винтом и ручками. А то тут все руками пробки тянут примитивным штопором.

Консервный нож. Простая ведь до безобразия приспособь, а банки солдатики все штыками вскрывают.

Походный набор – нож, ложка, вилка в одном флаконе, складные, одним движением разделяющиеся на три автономных предмета.

А вот идею мультитула я пока попридержал. Не все сразу. Автомашин здесь пока нет, а на рутьеры⁴ с локомотивами⁵ так даже гаечные ключи паровозного размера пока идут.

Так что некогда мне было за непонятную женскую обиженку переживать.

Оле заглянул несколько раз подивиться на мои занятия, потом во время ужина заявил:

– Перерос ты, Савва, нашу стезю. Скучно тебе после войны будет подковы ковать.

Что я мог ему на это ответить? Рубаху рвать и пуп царапать, что вернусь сюда обязательно его подмастерьем? Не факт. Вернусь, конечно, за сыном, когда ему исполнится семь лет. Отдам в кадетский корпус на казенный кошт. Сын гвардейского офицера и орденосца как-никак. В любом случае неграмотным я своего ребенка не оставляю.

Когда Элика объявилась на вокзале в сопровождении няньки и носильщиков, Оле только руками развел. Я тут, мол, не при делах.

– Разбирайтесь-ка сами между собой, – сказал он и отошел в сторонку, чтобы нашему разговору не мешать.

– Я с тобой, – твердо заявила Элика, даже не поздоровавшись, лишь поправив на плече ремень ружья.

– Там война, милая, – ответил я ей. – Там и убить могут.

– Если ты мне муж, то мое место подле тебя, а не на этой горе. Я в невесты ушедших богов не записывалась и их обетов блюсти себя в телесной непорочности не давала.

– Там говорят совсем на другом языке.

– Выучу. Ты же выучил.

– И читать-писать научишься? – поставил я условие под видом вопроса. – У офицера не может быть неграмотной жены.

– Делов-то... – фыркнула Элика.

– А девочку эту зачем с собой тащишь?

– Жена офицера должна иметь прислугу, – убежденно высказалась девушка. – У тебя же есть денщик.

– Резонно, – усмехнулся я. – Только там... вот в этом, – я подергал ее за рукав кофты домашней вязки, – не ходят. Особенно жены офицеров.

– Не страшно, – парировала Элика. – Буду ходить в том, в чем ходят они. Надеюсь, они одеваются не слишком смешно.

– Что скажут родители девочки?

– Ничего не скажут. Она сирота.

Сирота – это аргумент. Сам тут сирота при живых родителях. И Элика сирота.

– Тогда бери няньку, сына и вот в этом салон-вагоне заселяйте второе от входа купе. Вещи денщик занесет.

Не гнать же ее обратно. С таким строптивым характером, как у этой девицы, можно вообще больше не увидеть ни ее, ни сына.

Когда маркиз говорил мне о том, что передаст со мной посылку для ольмюцкого короля, я и подумать не мог, что она занимает собой целый литерный эшелон с двумя большими паровозами на колесах по два метра в диаметре. В эшелоне в основном цистерны с керосином – Реция все же нефтеносная провинция. Пара опломбированных теплушек с каким-

⁴ **Рутьер** – экипаж или тягач для безрельсового пути с паровой машиной замкнутого типа. Применялся как в гражданских, так и в военных целях.

⁵ **Локомотив** – буксируемый паровой двигатель для привода неподвижных насосов, молотилок, дробилок, соломорезок, мельниц, веялок и для прочих сельскохозяйственных нужд и выработки электричества.

то грузом. Вагон охраны. Классный плацкартный вагон для сопровождающих лиц. И личный салон-вагон маркграфа для меня – единственный в составе на четырех осях.

В сопровождающие меня лица попали два полных расчета горных трехдюймовок с опытными наводчиками и шесть пулеметных расчетов – экипаж одной бронеплощадки будущего бронепоезда, пусть и названного в честь огемской княгини, по мнению маркграфа, должен быть чисто рецким. Утрясти бюрократические проблемы он взял на себя.

Охрана фельдпочты.

Вагонные проводники.

И стюард салон-вагона.

Так что салон-вагон можно рассматривать мне исключительно как комплимент от маркграфа. Понял он, что поднимется в деньгах на моих изобретениях.

Утром последнего дня, не дожидаясь оформления патентов, только по скорой местной экспертизе, меня по предложению маркграфа торжественно приняли в члены-корреспонденты Рецкого политехнического общества, которое тут заменяло Академию наук. И обязали корреспондировать руководству этого самого общества обо всех технических новинках, которые я увижу в дальних краях.

Затем в конторе нотариуса в обмен на лицензии производства моих оптических игрушек оформил мне канцелярский сморчок сертификат на два процента уставного капитала в мануфактуре на паях «Рецкое стекло», которая в основном производила бутылки для винодельческих хозяйств – золотое дно, если посчитать, что я буду получать два процента прибыли со всего производства.

Председателем правления мануфактуры был сам маркграф – кто бы сомневался? Я так нет. Он же владел и контрольным паем в пятьдесят четыре процента, от которого и откусил мою долю. Не такую уж и маленькую, если приглядеться. В реестре пайщиков только один (не считая самого маркграфа, разумеется) имел семь процентов. Остальные же довольствовались одним, двумя или тремя паями. В основном это были владельцы крупных винодельческих хозяйств – славы Реции.

Один пай равнялся одному проценту и составлял пятьсот золотых кройцеров. Объявленный капитал с моей доли, таким образом, составлял тысячу, с которых я, пока нахожусь на военной службе, не плачу никаких налогов. А гражданские лица за объявленный капитал отстегивали в казну по полтора процента в год. Один процент империи. Полпроцента Реции. Сделали это так, чтобы не было в государстве соблазна грюндерства пустышек, через которые легко проводить разные мошенничества.

Это еще по-божески, учитывая, что я отдал «Рецкому стеклу» только все заявки, относящиеся к оптике. За остальные патентные заявки я вчера честно заплатил поверенному, взяв с него письменное обязательство не отдавать мои лицензии в одни руки. Минимум в четыре-пять компаний, чтобы была конкуренция за качество среди них. И обязательно хоть одна такая фирма должна располагаться в Реции.

Сговорились на десяти процентах его куртажа. Ох, и дам я все же в глаз тому поверенному в Будвице...

А вообще, чувствую, что становлюсь просто акулой капитализма. Совладелец я уже двух промышленных предприятий.

Заводчик.

Фабрикант.

А ведь только год прошел с того момента, когда я с гор на равнины спустился.

Увидев, что я украдкой смотрю на часы, скучающий маркграф заметил:

– Не суетись, Савва. Успеешь ты на поезд.

– Да я, ваша светлость, и билет еще не приобрел, – пояснил я свою проблему.

– На литерном составе поедешь... по войсковому литеру, – скаламбурил маркграф. – Отправление поезда... как скажем сами машинисту, – хохотнул он собственной шутке. – Так что опоздать на этот поезд ты в принципе не сможешь.

– Да я хотел еще доплатить за первый класс... ехать долго, – промямлил я.

– Будет тебе первый класс, Савва. И без доплаты, – заверил меня правитель земли рецкой. И обманул.

Не первый класс оказался, а люкс.

Таких салон-вагонов всего два десятка на всю империю бегало. Роскошь неимоверная. Мой денщик и от первого класса тут балдеет до головокружения, а в салон-вагоне так вообще в ступор впал.

– Живут же люди... – только и смог он выдохнуть.

За нами в салон вошел личный адъютант маркграфа, моложавый блондин в майорском чине.

– У вас все в порядке, господа?

– Пока да... Благодарю, – ответил я. – Осваиваемся.

– Как только соберетесь отправляться, не считите за труд – маякните мне на перрон. Я дам команду машинисту трогаться.

Поезд стучал колесами на стыках. Паровоз время от времени повизгивал свистком. За окном проплывали знакомые пейзажи, только в обратную сторону. И с большей скоростью. На маленьких станциях нас вообще не останавливали – пролетали их со свистом. В прямом смысле этого слова. Причем свистели оба паровоза.

Обычного паровозного дыма видно не было.

– На рецком горячем камне идут, – объяснил стюард.

В вагоне нас было шестеро.

Я с денщиком в салоне.

Девочки с сыном в купе.

Стюард, он же проводник салон-вагона, который с полотенцем через локоть наливал нам в резные лиловые хрустальные стаканы выдержанное красное вино.

– Ох, командир, вижу, судьба тебя балует, и ты все ликом ее любишь, – с завистью сказал денщик, поставив пустой стакан на стол.

– Да нет. Разок она мне тут и задницу показала, – промолвил я.

– И как? – поднял брови Тавор.

– Как показала, так и раком встала, – засмеялся я. – Сам же меня из тюрьмы забирал.

И отправив стюарда к себе, задал я захмелевшему денщику давно занимающий меня вопрос:

– Тавор, ты на меня самому Бисеру стучишь или помельче кому рангом? – и пристально посмотрел ему в глаза.

– Командир, да я... – попытался денщик божиться.

– Не врать! – прикрикнул я.

– Адъютанту Бисера, – сознался Тавор.

– Так-то лучше. Молодец. Продолжай дальше.

– Что продолжать, командир? – округлил он глаза.

– Стучать. Мне скрывать нечего. Кстати, какое у тебя настоящее звание?

– Гвардии унтер-офицер, – сознался Тавор.

– Кем до меня служил?

– Денщиком у королевского адъютанта. Но с вами мне нравится больше.

– Генерал тебе не наливал? – усмехнулся я.

– Наливал, но... выглядело это так, будто он дворовому человеку великую милость оказывал. – Вы меня не прогоните, командир?

– Нет. Ни к чему это. Уберу тебя, пришлют другого. Те же яйца, только в профиль. А к тебе я уже привык. Но... залезешь на няньку – женю, и согласия твоего не спрошу, – постучал я пальцем по столешнице.

– Зачем?

– Она сирота. Так что я теперь ее опекун. И по нашим горским законам за нее я должен зарезать охальника. Женитьба не самый плохой способ убить собственную жизнь. Так что твое спальное место в купе проводника. Верхняя полка. Первое купе занимаю я с женой. Второе – нянька с моим сыном. В самом салоне никто ночевать не будет. Да, кстати, а почему на эту роль выбрали именно тебя?

– Наверное, потому что я знаю рецкий язык.

Мягко хлопнул дверью стюард.

– Ваши милости, горячая вода в душевую комнату подана.

– На всех хватит? – поинтересовался я.

– Должно.

– Тогда первыми моются девочки и моют ребенка, – сказал я Тавору. – Потом я. За мной ты.

И повернулся к стюарду:

– Оповестите госпожу Элику и проводите ее в душевую.

4

Ночь провел вдвоем с женой на шикарной графской кровати в просторном купе. На холодящих шелковых простынях. Ох, и устроила она мне благодарение за предоставленный комфорт. С подвизгом, чего она явно стеснялась проявлять дома, в горах. А теперь отвязалась... Благо, стены и дверь графской спальни предусмотрительно изнутри оббиты толстым слоем конского волоса под зеленой кожей.

– У меня настоящее свадебное путешествие, – томно промурлыкала Элика, зарываясь носом мне под мышку и шумно, с наслаждением вдыхая запах моего свежего пота. – Как в сказках. Я днем от окна не могла отлипнуть. Только на кормление сына и прерывалась. Это не поезд. Это какой-то сказочный дворец на колесах. Только мне не понравилось, как этот мужик готовит.

– Вставай к плите сама.

– А то. У меня всяко лучше получится, – заявила гордо.

Не знаю я, чем жена недовольна, железнодорожная еда в исполнении стюарда была вовсе даже не плоха.

– Начни с завтрака, – подначил я ее. – Поридж, тосты с джемом, яйца-пашот и кофе с кориандром.

– Че-э-э-э-го? – вскинула она голову.

– Меню на завтрак, уже утвержденное мной.

– А если я что другое захочу?

– Тогда за завтраком выдашь свои предпочтения стюарду на целый день. Он запишет и в точности исполнит.

– Все так сложно?..

– Ну а как же? Ему надо продукты подготовить, сама готовка занимает определенное время, и подать к заявленному сроку.

– Я так не привыкла.

– А ты как думала, что люди везде будут жить, как ты привыкла у себя на высокой горе? Не-э-э-эт... Это тебе придется менять свои привычки в соответствии с ожиданием нашего окружения. Так что после завтрака будешь с нянькой учиться пользоваться приборами, а то за ужином ложку держала в кулаке. И это жена королевского флигель-адъютанта? Да я со стыда сгорю.

– Неправда твоя, ложки не было! Зачем он надо мной издевается? Три ножа и три вилки положил. Как будто одной недостаточно.

– Три блюда в перемене. Каждое едят своей парой ножей и вилок.

– И ты их все знаешь?

– А то! Настоящий офицер его королевского величества лейб-гвардейской артиллерии всегда держит вилку в левой руке... а котлету в правой!

– Ты это знал раньше? В своем мире ушедших богов?

– Знал. Только ты про мир ушедших богов не говори никому. Не стоит. Пусть это будет наша маленькая тайна. Одна на двоих.

Да... как вспомню свой первый настоящий поход в гости в студенческом качестве в Москве, так до сих пор краска стыда заливает лицо. Банкет проходил в хорошем ресторане по всем правилам с предупредительными официантами. Нет, никто меня за незнание застольного этикета не гнобил, но веселые переглядки остальных гостей и хозяев были весьма красноречивые. Пришлось срочно брать уроки у людей знающих. Оказалось все до безобразия просто. Бери те приборы, которые с краю. Не хочешь какой-либо перемены, положи крайние приборы на пустую тарелку – унесут.

– А ты споешь мне «Вечную любовь»? – неожиданно попросила Элика.

– Спою.

– Сейчас!

– Ночь же...

– Ну и что... Я хочу! – и добавила с обидой: – Ты за весь отпуск мне ее ни разу не спел, подлый!

– Ну, если хочешь... То для начала я спою... Только для тебя одной. А потом...

И мелодия Шарля Азнавура зазвенела в просторном купе под перестук колес и редкие свистки паровозов.

Элика русских слов не понимала, но мелодия ее завораживала до задержки дыхания.

Потом меня любили. Чувственно, истово, страстно и долго. Девочка после родов вошла во вкус...

В первом же крупном населенном пункте – Гоблинце, где делали длительную остановку для заправки паровозов водой, я задержал эшелон на запасном пути и на извозчике покатыл с Эликой в город, заранее узнав у стюарда, где здесь есть неплохой магазин готового платья, в котором одеваются жены чиновников и обер-офицеров.

За время войны мода успела несколько упроститься и ушла от присущей ей довоенной вычурности. Надеюсь, что навсегда. Тут и сокращение производства гражданских тканей сыграло свою роль, и прекращение импорта из воюющих с нами стран, и морская блокада торговли с нейтралами. Так что пышные рукава, драпированные юбки трех разных материалов и турнюры с бантами и бахромой на задниках ушли в историю. Основой современного стиля стал рационализм. Об этом с удовольствием поведал нам хозяин магазина – этакий текущий живчик с наметившимся животиком и педерастическими нотками в речи.

К радости Элики корсеты из китового уса успели стать дефицитом. Нижнее белье составляли тонкие кружевные рубашки, нижние юбки и кокетливые панталоны с разрезом в промежности (а вы попробуйте иначе справиться хотя бы малую нужду при таких длинных юбках одной на другой). Для кормящих матерей уже был изобретен полотняный лиф на крючках.

А вот чулки тут подвязывали лентами под коленкой. Щелкнуло в мозгу, что пора изобретать пояс для чулок на простейших проволочных застежках – этот девайс в итоге всяко больше денег принесет, чем любое оружие. При правильной рекламе, конечно.

Пришлось купить большой чемодан, благо тот же магазин специализировался не только на одежде для дороги, но и на сопутствующих аксессуарах. Чтобы было куда сложить юбки, блузки, комбинации, ночные рубашки, чулки нитяные и шелковые, перчатки, зонтик и белье на первое время. Всякие потребные еще в пути мелочи. И пару круглых шляпных коробок – это святое. Тут женская шляпка – произведение искусства, и мять ее не рекомендуется.

Венчал гору покупок дорожный костюм-тройка из светло-коричневого материала, чем-то напоминающего плотный твид, с шоколадного цвета бархатным воротничком и обшлагами на рукавах короткого жакета. Элика как в него влезла, так и вылезать не хотела – все гляделась в большой трельяж, стоящий в торговом зале. Большие зеркала ее вообще умиляли. Дай ей волю, все на себя бы в них любовалась. Особенно когда надела шоколадного цвета велюровый укороченный цилиндр с узкими полями, украшенный шелковой с золотом лентой и кисеей.

Проблема встала только с обувью. Но мелкобуржуазный капитализм никогда не упустит возможности заработать лишнюю монету ценой дополнительной услуги. Тут же послали девочку-ученицу с меркой в обувной салон, и оттуда два молодца споро прибежали с десятком коробок в руках.

Я моментально отложил в сторону все, что там было с высоким каблуком, а на возмущенные вопли Элики авторитетно заявил, что такие туфли надо учиться носить с детства, а не изображать собой плохо подкованного стирха. Кошелек облегчился на удобные дорожные

ботинки с высокой шнуровкой в тон костюму, туфли для городских мощеных улиц и домашние тапочки, а то Элика с нянькой по коврам салона-вагона босиком рассекают. Непорядок.

По прошествии утомительных для меня часов шопинга я получил из красивой крестьянки в этнической одежде прекрасную даму из общества. На вид. Особенно в дорожном наряде со шляпкой.

– Господин Пикар, не побоюсь этого слова, но вы – волшебник, – восхищенно высказался я хозяину магазина. – Подлинный художник.

Растроганный лавочник, которого признали художником, в свою очередь умилился и сделал «герою текущей войны» оптовую скидку. Ну с его-то ценами он в накладе всяко не остался бы, а мне приятно. Золото было потрачено не зря. Счастье любимой женщины стоит дороже.

Но женщины есть женщины, когда Элика садилась в коляску, то пожаловалась мне:

– Как они в этом тут ходят, когда везде жмет и давит?

Я ответил банальностью.

– Красота требует жертв.

На что получил быстрый взгляд, сродни удару. Но жалоб больше не последовало.

На перегоне от Гоблинца до следующей водяной заправки собрал у себя в салоне рецких унтеров и наводчиков, перезнакомился с ними уже обстоятельно, не на бегу, как во Втуце. Как нормальный командир – батяня – опросил их о жалобах и пожеланиях. Обещал решить проблему горячего питания в пути хотя бы раз в сутки – им в части только сухой паек выдали, который они с кипятком из вагонного титана и трескают, и совсем толику командировочных – только доехать до Будвица. Придется потратить свои... Они горцы, а я их вождь, приходится соответствовать традициям.

Объяснил им особенность службы на бронепоезде и какая это высокая честь – служить в гвардии у такого отважного воина, как король Бисер Восемнадцатый.

Рассказал о стрельбе в движении с максимальной скорострельностью, показывая вероятные цели за окнами.

О неудобствах обитания в боевых бронированных рубках, которые совсем не похожи на теплушки и тем более на плацкартный вагон, который они сейчас занимают.

О том, что будем воевать на острие главного удара по врагу.

Спросил их о готовности воевать и в ответ получил ожидаемую горскую гасконаду, что, мол, всех врагов порвем, как Тузик грелку. Осталось только надеяться, что для маркграфа в конно-горных батареях действительно отобрали лучших, а не по принципу «на тебе боже, что нам негоже».

Угостил соответственно, пока мы не на службе, а они у меня как бы в гостях. Но умеренно и слабым градусом.

Золотой кортик дал им в руки потискать по их настойчивой просьбе. Любовались на надпись и цокали языками с уважением. Но больше их волновало качество клинка. Нашли его достойным.

И еще спрашивали, выдадут ли им такие же красивые штаны «с ушами» как у меня? Так их мое галифе впечатлило.

Поговорили за войну с Винетией, в которой они успели поучаствовать. Общее мнение у них сложилось, что винетцы не вояки. Все вкладывают в первый удар, и если он не получается, то сдуваются. Воевать против нас в горы пошли, а сами одеты в рубашки с галстуками. Красиво, конечно, но галстук по ночам не греет. Стреляли по винетцам они из коротких горных пушек, попадали, но не так эффектно, как дирижабль бомбил. Потому все награды летунам и достались.

Все вокруг ждали, чем закончатся мирные переговоры в Риесте. Но, чем бы они ни закончились, герцогство из войны уже вывели. Это ощущали все.

В общем, друг другом мы остались довольные. Посмотрим, как они дальше служить будут. Но в чужом окружении, чувствую, обрел я нечто похожее на личную преторианскую гвардию. Они даже по-огемски говорить не умеют. А по-имперски только унтера горазды, но все больше уставные команды. О театре, к примеру, с ними не поговорить... М-да...

Отправив на станции горцев в их вагон, сам в здании вокзала заказал по телеграфу службе ВОСО⁶ к следующей остановке состава доставить большую флягу горячего горохового супа с копченостями. Двадцати литров, по моему разумению, должно на них хватить.

Как всегда перед дождем, заныла раненая лопатка. Хоть волком вой, но я уже знал, что пока первые капли на землю не упадут, не уймется.

Встал, укрыв жену одеялом, оделся и вышел в салон.

Стюард не спал, надраивая столовое серебро.

– Долго нам еще до Будвица тащиться? – спросил его я.

– Через час где-то будем на месте.

– Ночью... – выдохнул я. – Это не есть хорошо. Присутствия не работают...

Взял газеты, но не читалось. Спина ныла.

Стюард бросил вилки-ложки и перенес ко мне на стол керосиновую лампу. Потом себе зажег другую, достав ее из шкафчика. Спичками.

– Покажи, – попросил я.

Он протянул мне коробок. Обычные спички с коричневыми головками. Разве что толще и длиннее наших. Коробок из шпона. Чиркалка на боку – а где ее еще делать? На этикетке вычурным шрифтом написано:

Махлиард, Вик и Ко.

САМОГАРНЫЕ СПИЧКИ

20 штук

Слово «спички» у имперцев означало еще и деревянные гвозди для модельной обуви. Только те никак не «самогарные».

– А другие сорта самогарных спичек есть? – спросил я, отдавая стюарду коробок.

– Нет, господин, только такие, – с готовностью ответил он. – Их на севере делают, в Гельдерне. На большой мануфактуре. Перед самой войной производство наладили. Состав головки держат в секрете. А древесина на них идет самая сорная – осина. Но удобно. И относительно недорого.

Угу... охотничьих спичек, значит, тут еще нет... Надо будет проработать вопрос.

– Что, и каминных спичек нет? Длинных таких.

– Нет, господин. Я не видел, – ответил стюард и предложил: – Хотите чаю?

– Не откажусь. Все какое-то отвлечение будет, а то старая рана ноет... – пожаловался я кокетливо. – Не уснуть мне уже сегодня. Проверено.

А сам не менее мучительно вспоминал химические отличия охотничьих спичек от обычных, что заставляет их и в воде гореть. Со шведами все ясно – они первыми заменили белый фосфор на красный – это мы еще в школе проходили, чем сделали спички безопасными от самовозгорания. Вспомнить бы еще, какая хрень туда входит кроме серы?

– Вы такой молодой, господин, а уже старые раны... – участливо произнес стюард, поставив небольшой посеребренный чайник на спиртовку. – Куда катится мир?

– Мир уже скатился в мировую войну, – ответил я. – Такая вот шизофрения разом у всех... Противоположные по смыслу слова «мир» и «война» соединили в единое целое...

⁶ ВОСО (сокр.) – военные сообщения.

Стакан в серебряном подстаканнике. Чай замечательно заварен. Стюард просто мастер. Впрочем, другого маркграф держать бы и не стал. Вкус и аромат напитка такой, какого в моем мире нет, наверное, уже нигде. Везде химия голимая.

И от ноющей лопатки горячее питье отвлекает, оттягивает...

– Будите моего денщика, стюард. Хватит ему дрыхнуть. Как приедем, пусть он ко мне начальника поезда вызовет. Состав в тупик отогнать надо. Часовых выставить. Остальных до подъема не будить. День будет длинный.

А тут и долгожданный дождик забарабанил в окно.

Здравствуй, весенний Будвиц. Как я по тебе соскучился.

5

В строевом отделе штаба ольмюцкой армии писаря отметили мое своевременное возвращение из отпуска и выдали направление на дальнейшее прохождение службы в свите королевского генерал-адъютанта, к которой я, оказывается, уже месяц как приписан. Все же я флигель-адъютант короля, как ни крути. Логично... Но как же бронепоезд?

Снова ловлю извозчика и двигаю во дворец. Все равно мне туда почту передавать от маркграфа. Заодно все и выясню.

Генерал Онкен был на месте и принял меня незамедлительно, не маринуя в «предбаннике», который находился в боковом крыле дворца, оформленного хотя и пафосно, но без излишеств.

– Ваше превосходительство, – задал я вопрос, когда формальности с почтой и эшелоном были улажены, – я теряюсь в догадках и осмелюсь вас спросить, что значит мой перевод в вашу службу? Насколько я помню, король назначил меня командиром бронепоезда прорыва. Пока меня не было, произошли изменения?

– Все очень просто, Савва, – снизошел генерал-адъютант до объяснений. – Как младший флигель-адъютант ты в моей службе уже навечно. Все остальные назначения будут оформляться как персональные прикомандирования. И пока бронепоезда еще нет, то ты служишь здесь. И первое мое к тебе задание – проконтролировать процесс конструирования бронепоезда. У них там такие споры по выбору паровоза, что я еле от них сбежал. Так что тебе и карты в руки – идея твоя, и лучше тебя никто из нас не сообразит, что там нужно. Действуй. Предписание получишь в канцелярии. Оно уже готово. Ясно?

– Так точно, экселенц, – гаркнул я.

– И не ори, – сделал мне Онкен строгое замечание. – Его величество этого не любит. Здесь не плац. Понятно?

– Так точно, экселенц, – ответил я нормальным голосом.

– Вот так-то лучше, – улыбнулся генерал. – Как отдохнул? Выздоровел? Готов к трудам?

– Так точно, экселенц, к трудам готов. Рана зажила. Только лопатка болит, зараза, перед дождем. А насчет отдыха... если считать отдыхом перемену занятий, то отдохнул хорошо.

– И где ты там перетрудился? – усмехнулся Онкен.

– Сначала дома пахал поле и заготавливал дрова на зиму. Потом меня припахал сам маркграф, и я для него половину отпуска чертил. Такой вот отпуск. Осмелюсь я задать еще один вопрос?

– Задавай. А насчет отпуска не приbedняйся. У других офицеров и такого отпуска нет. Война у нас, если ты помнишь.

– Так точно, экселенц, есть не приbedняться. А вопрос у меня такой: я приехал в Будвиц с женой и новорожденным сыном и хочу выяснить, имею ли я право поселиться в городе. Или мне придется жить в казарме отдельно от них?

– Ох, Кобчик, Кобчик... молодой ты да ранний, я смотрю. Когда сына успел сделать?

– Так еще перед призывом, экселенц. Сам удивился, когда домой приехал.

– А это точно твой сын? – усомнился генерал.

– Точнее не бывает, экселенц. Родинка у него за ухом такая, как у всей нашей породы.

– Пока ты на срочной военной службе, Кобчик, то обязан жить в казарме, – ответил генерал, вогнав меня в уныние. – Но... так как ты по чину приравнен к лейтенанту армии, то на тебя распространяются все льготы и привилегии армейских офицеров. Так что в городе или пригородах, где дешевле, ты проживать можешь, но... если не уложишься в квартирные выплаты, то доплачивать тебе придется из своего кармана. Ясно?

– Так точно, экселенц, – обрадовался я.

– Тогда сегодня и завтра тебе даю время на обустройство семьи, а в пятницу как штык с утра в депо. Направление и пропуск возьмешь в канцелярии – они готовы. Финчасть в подвале. Там теперь твое жалованье, подъемные, рационы и порции, квартирные и прочие выплаты. Кстати, для твоего сведения – за Крест военных заслуг с этого месяца стали платить. Немного, но, надеюсь, для тебя не лишнее. Тем более что нижним чинам платят больше, чем офицерам. И за мечи добавка. А ты у нас формально старший фельдфебель, – подмигнул мне генерал. – Если у тебя все, то выметайся, у меня дел по горло.

– Это не все, экселенц. Рецкий маркграф пригнал со мной полный экипаж на бронеплощадку трехдюймовых орудий. Сказал, что все подробности в письме, но что его величество не откажет его светлости в «причастности Реции к такому великому делу». Это я его цитирую, экселенц.

– Ну и куда мне их девать, когда бронепоезда еще нет? Он только в проекте. Как бы в городе твои горцы от безделья чего не накуролесили... Ну, Кобчик... Вечно от тебя одни проблемы.

– Экселенц, осмелюсь предложить загнать их на это время на полигон. Пусть из пушек стреляют – тренируются. И от города далеко, и при деле.

– Тогда так... – генерал всего на минуту задумался. – На обустройство семьи тебе только сегодняшний день. Путь пока твои горцы сутки перетопчутся в вагоне, а вот завтра ты их лично отведишь на полигон. Пешим маршем. Вернешься из финчасти – возьмешь в канцелярии направление для них, и пусть майор Многан это время с ними возится. Заодно записку коменданту вокзала передашь, чтобы он обеспечил их на сегодня горячим питанием и завтраком с утра. Но чтобы к десяти ноль-ноль завтра вас в городе не было.

В последнем предложении генерала зазвенел металл. Добрый дядечка как испарился.

Взял под козырек. Старая армейская истина: инициатива имеет инициатора.

До полигона пешкодралом топали не торопясь около пяти часов. С двумя большими привалами. Хорошо еще, что в городе удачно тормознули конку с империалом на крыше в нужном нам направлении. Получилась небольшая обзорная экскурсия по столице королевства.

На одном привале костры палили и кипятки в котелках грели для лучшего пропихивания в глотку сухого пайка. Это вместо обеда. Хорошо, горцы народ непритворливый. Жалоб, по крайней мере, я от них не слышал.

На всю команду из оружия только мой револьвер да традиционные кинжалы горных стрелков, напоминающие бебуты моего мира. Но обошлось. Варнаков нападать на большую козлу блондинов в окрестностях не нашлось.

Семью мне помог пристроить комендант вокзала. Поспособствовало железнодорожное колесо в моих эмблемах. Гостиница железнодорожного общества «на вере» «Восточный экспресс» находилась недалеко от вокзала, где трехкомнатные апартаменты с кухней стоили как одноместная конура в отелях центра города. Все правильно, путевые инженеры в таких ведомственных гостиницах месяцами живут. А я вроде бы как «свой брат – железнодорожник».

Там я оставил семью с нянькой и денщиком, пока приходилось бегать на полигон туда-сюда. Денщик при них в качестве слуги и переводчика. Девочки по-огемски ни бум-бум ни разу.

Элика оглядела железнодорожную квартиру, требующую, откровенно говоря, хотя бы косметического ремонта, и спросила меня с упреком:

– Муж мой, а почему мы теперь живем в такой дыре после роскоши поезда?

– Милая Элика, – пожал я плечами, – мы в дороге шиковали за чужой счет и в чужом вагоне, а теперь тратим на жилье свои деньги. Этот город обходится дороже, чем Втуц. А у меня не такое уж и большое жалованье.

– Ну хоть еще одну ночь мы там можем провести? – лукаво улыбнулась нареченная.

Как ей отказать в такой малости?

Майор Многан встретил меня в своем кабинете с радостью, красуясь на полевой форме новенькими плетеными погонами.

– А-а-а, Савва, заходи, – воскликнул он, едва я приоткрыл дверь его кабинета, постучав в нее. – Ты, горец, оказывается, приносишь удачу. Видишь... – он скосил глаз на погон, слегка наклонив голову к плечу, – до того как тебя ранили, никому я не был нужен, крутится такой-сякой Многан на полигоне как белка в колесе, обеспечивает все как надо, и ладно... Приехали с города, постреляли, выпили и... забыли про Многана. Но вот после нападения на тебя резко вспомнили, что я давно перехаживаю в капитанах. Так что с меня причитается.

– При чем тут причитается, господин майор, – изобразил я смущение. – Я вас искренне поздравляю с повышением. Ваш чин реально заслужен вашими же нелегкими трудами. К тому же банду по горячим следам взяли солдаты вашего полигона, насколько я знаю.

Не буду же я рубаху рвать и пуп царапать, что это я такой красивый в ухо королю немножечко подул про него. Некрасиво это как-то будет, да и случайно, в общем-то, вышло. К тому же служилось мне на полигоне под командованием Многана хорошо. Грех жаловаться. Так бы и дальше тут служил, кабы не королевская воля.

– Это да... – с охотой согласился майор со мной. – Столько лет я здесь командую – и практически ни одного нарекания не было... Так ты тут, сынок, по какой оказии? – снова перешел он на доверительный тон.

– Да вот... – Я даже не знал, как начать освещать щепетильный вопрос о новой для него служебной нагрузке. – Прислал рецкий маркграф в Будвиц своих артиллеристов на бронепоезд, а того еще нет... Только строится. Вот генерал Онкен и сплавил горцев сюда, подальше от города и возможных эксцессов в нем. Горцы народ резкий, обидчивый, а языка местного не знают. Из них только унтера по-имперски говорят.

И постарался быстрее положить на стол коменданта сопроводительные бумаги из королевской канцелярии, чтобы это произошло до возможного отказа Многана. Ибо после такого отказа мне не оставалось бы ничего другого, как вести всю колонну обратно в город. А там этим Онкен будет недоволен... непосредственный начальник мой, между прочим.

– Артиллеристы, говоришь, – хитро так усмехнулся майор в пышные усы.

– С боевым опытом к тому же, – расхваливал я свой товар.

В ответ начальник полигона расплылся в хищной улыбке.

– Вот пусть они и устраивают красивую жизнь этим заводским выскочкам, – задорно рассмеялся начальник полигона. – А то, вишь ты... им наши полигонные батарейцы не по нраву. Не тот, мол, у них опыт, чтобы их гениальность оценивать. Вот у меня где эти заводские, – похлопал майор по своему загривку. – Забарали уже они меня в крайнюю степень. Пусть теперь эти зазнайки перед горцами выпендриваются. А я посмотрю, как это у них получится...

И майор задорно рассмеялся.

– А что за пушки? – полюбопытствовал я.

– Да чего только не было в последний месяц. Сейчас на отстреле новые полевые трехдюймовки. Дивизионные. Стальные. Скорострельные. С откатниками и накатниками. Эти еще ничего. А вот полковые... Облегченные, так сказать... Переделанные из старых бронзовых пушек... Наши канониры от них стонут. Как сдаст мне протокол испытаний Щолич, вот ушедшие боги мне в свидетели, подпишу не глядя. Так что твои горцы тут в самый цвет нарисовались рога городским обламывать. Спасибо, Савва. Это просто подарок.

– Да не за что, – обрадовался я, что все так легко срослось. – А что еще у вас нового?

– Новая винтовка магазинная проходит у нас испытания на отказ. Хорошая винтовка. Мне понравилась. Да что я расхвастался – сам все увидишь. И постреляешь. Особое мнение

мне письменно составишь. Король у нас кто? Инспектор артиллерии. А ты его флигель-адъютант. Заодно я тебе все документы во Дворец подготовлю. С оказией и отвезешь.

– Я бы рад, господин майор, но когда? Мне сегодня, на край завтра утром обратно в город. Не стал я ему говорить, что у меня там жена с младенцем мается без меня.

Но Многан меня как бы и не услышал.

– Где она тут? – полез он шуровать по ящикам письменного стола. – Ага... Вот. Это тебе. Так что в город ты завсегда успеешь, – усмехнулся майор.

Подавал он мне через стол простую канцелярскую папку с завязочками.

– Что это? – спросил я, не открывая папку.

– Дарственная это тебе от короля на рысистую кобылу по кличке Ласка и тарантас по твоему выбору из тех, что есть на полигоне. Сразу скажу, что свой выезд не отдам. – Многан многозначительно мне подмигнул. – Но любой другой твой.

Не сказать что был зол, но вполне расстроился, беспокоясь за жену и ребенка. Как они там без меня в чужом городе? Глава семьи называется: привез и бросил. Правда, с ними мой денщик – парень сообразительный, крепкий и вооруженный. В планах, конечно, я собирался этим же вечером вернуться с полигона в город.

Как?

Думал, Многан поспособствует.

Зря надеялся.

А телефон на полигоне только местный, полевой.

В отместку выбил из майора себе еще чуток преференций – перевел к себе старшего конюха. Того, который призван с ипподрома. И как я понял по выражению лица старого слуга, тот решил, что очень дешево отделался от королевского флигель-адъютанта. Конюхи ни разу не дефицит.

Проверил, как устроили горцев в казарме. Опросил, как их покормили. Нет ли жалоб?

Объяснил им их важную задачу по испытанию новых пушек.

– А как будет готов бронепоезд, – пообещал я им, – так сразу вас всех переведут на него. А пока ваш непосредственный начальник фельдфебель Элпе. Он строг, но суров. И всегда справедлив.

И поплелся в одиночку на конюшню.

– Да как же это так, господин старший фельдфебель? Тут же собираться по-доброму – дня три мало... – озадаченно чесал конюх затылок, прочитав приказ о своем переводе в экипаж бронепоезда «Княгиня Милолюда».

– А вот так, – ответил я, поглаживая Ласку по вздрагивающему бархатистому храпу. – Думаешь, бронепоезд – это только то, что по рельсам катит? Не-э-э-эт. Бронепоезд – это хозяйство в первую очередь. И немаленькое. Для начала послужишь моим персональным кучером. И потом под пули я тебя не погоню, если ты этого боишься. Обоз у нас всегда в тылу. И гужевых перевозок будет много.

– Ну коли так... Я согласный, господин старший фельдфебель гвардейской артиллерии...

– Когда мы наедине, то называй меня «командир», а то пока ты мой длинный титул говоришь, забудешь, что сказать хотел.

– Возок под Ласку какой забирать будем, командир? – повеселел конюх.

– Это как раз я у тебя спросить хотел. Я теперь не один, а с семьей. Так что четыре места для пассажиров надо. Двуколки будет мало.

– Открытый тарантас или карету?

– Куда карету для одной лошади? Ласку пожалей. Четверка лошадей мне по чину не положена, а пару самому не прокормить. Рацион только на нее одну выдают. Разве что еще стирха заведу под грузовой возок, и все. И то не факт. Обоз-то мне тогда зачем?

– Я знаю, что вам нужно, командир. Пойдемте, покажу.

В просторном каретном сарае было сумрачно, но то, что мне показал там старший конюх, я рассмотрел хорошо, и увиденное повергло меня в ступор. Уж больно обшарпанный вид был у этого экипажа. Абсолютно непрезентабельный. Хотя само средство передвижения выглядело весьма симпатичным и больше напоминало автомобиль начала XX века, чем гужевую повозку. Экипаж был крытый, с окнами всех сторон, в том числе и спереди было сдвижное окошко, чтобы можно было поговорить с кучером, не вылезая из салона. Причем крыша экипажа имела козырек, относительно защищающий от непогоды сидящих на облучке, по краям которого на бронзовых поручнях крепились два больших карбидных фонаря из красной меди в качестве фар. А сзади даже некое подобие небольшого багажника просматривалось. Задние колеса вдвое больше передних. Передняя ось поворотная.

– Командир, вы не смотрите на внешний вид. – Конюх предупредительно открыл дверцу. – Внутри все восстановлено, как было. Называется такая карета «такси». Редкий экипаж даже для наших городских лихачей, предпочитающих круглый год катать пассажиров в открытых колясках и фаэтонах, но в имперской столице таких много. Внутри садятся четверо с комфортом. Могут сесть и шестеро, но не советую – тесно.

Изнутри кареты ее стены и потолок были обиты синим шелком в мелкий цветочек, а сиденья – темно-коричневой, почти шоколадного оттенка кожей. Дверцы понизу кожаные и имели плоские карманы. Ручки медные. Весьма достойный салон даже по меркам двадцать первого века.

У кучера на облучке сидушка также кожаная, со спинкой. Мягкая. Наверное, конюх выбрал этот экипаж из-за комфортного рабочего места в первую очередь. Жук он ипподромный, как я посмотрю, но... мне такой и нужен... знающий и сообразительный. Главное, чтобы воровал он умеренно, по чину...

Залез внутрь, сел на задний диван. А что? Вполне удобно. Мастер, который делал эти диваны, любил человеческий зад и заботился о нем. Не то что деятели отечественного автопрома. А вот передний диванчик узкий, рассчитанный на короткую поездку.

– ...а тут у нас, командир, под каждым сиденьем вместительный рундук. Под облучком тоже. Рессоры стальные. Колеса новые. Так что, командир, хоть в дальний путь... А снаружи... Дадите время, обдеру, загрунтую и покрашу с лаком. Сам. Или на ипподром сvezу. Тогда она лучше новой выглядеть будет. Зато пассажирам ни дождь, ни снег не помеха. И повозка эта легкая, командир, на железном каркасе, не деревянная... Так что такой сильной кобыле, как Ласка впору тягать ее на хорошей рыси.

– Странно, чего это она такая... внутри шик-блеск, а снаружи не пойми чего?

– Все просто, командир, это чтобы высокие гости не забрали – это такси на полигоне разъездным числится. А то такие перцы встречаются, не приведи нам ушедшие боги... Две кареты приличные тут были – забрали... а на эту даже не позарились. Теперь полигонных гостей на шарабанах возить будем да на фургонах с деревянными лавками. Не кататься же они сюда приезжают?

6

Ранним утром, похмелившись капустным рассолом, отстреливал новую магазинную винтовку. Мне она понравилась. Приемистая. Легкая. Точная. На сто метров пули кладет с максимальным разбросом в два дюйма. Предохранитель примитивный – флажковый, при нерабочем состоянии нагло перекрывает стрелку целик. Захочешь – не забудешь перевести его в боевое положение. И вообще... она красивая. А красивое оружие лучше стреляет, красивые самолеты лучше летают... ибо, как любила приговаривать моя бывшая филологиня из Ташкента: «Красота – это концентрация целесообразности, данная нам в интуитивном ощущении».

– Какие будут замечания, господин флигель-адъютант? – нетерпеливо спросил меня конструктор этого оружия инженер Шпрок, когда я отстрелял все положенные упражнения и рассматривал мишени, возвращенные на стрелковый рубеж моим бывшим подчиненным из мишенной команды.

Держался этот высокий, худой и всклоченный гражданский инженер внешне дерзко, но чувствовалось в нем некое подобострастие по отношению ко мне, как он считал, большому начальнику или лицу, приближенному к большому начальству, от которого зависит принятие на вооружение его детища.

Я многозначительно наморщил лоб.

– Учитывая, что данный ствол пристреливал не я под себя, а взял случайный... Неплохо. Очень неплохо бьет. Но... по мне бы... нужна верхняя предохранительная накладке на ствол – это раз. Не для тира же это оружие, а для окопа. Загнуть стебель затвора вниз – это два. И укоротить винтовку хотя бы до ста тридцати сантиметров общей длины – это три. Хотя и такая в современной окопной войне будет слишком длинна, в траншее с ней не развернешься в рукопашной. Так что метровый карабин будет в самый раз. Антабки звенят – четыре. Нехорошо это для боевого оружия в современной войне – демаскирует звуком. Подумайте о креплении ремня в прорезях приклада и цевья – это пять. Вот и все мои замечания.

– Но, господин флигель-адъютант, генеральская комиссия в техническом задании особо настаивала на сохранении длины старой винтовки, – возразил мне конструктор. – И мы еле-еле уломали их по весу. А короткий карабин... единый для артиллеристов и кавалерии в проекте предусмотрен.

– Генералам с ней не бегать, – заявил я безапелляционно. – Для них винтовка – это всего лишь стреляющее копьё. Пуля – дура, штык – молодец, – передразнил я измененным голосом мифического генерала-старпёра. – Они до сих пор мыслят ротной залповой стрельбой по плотной вражеской колонне за километр, а враг давно закопался в землю, и реальная дистанция боевой стрельбы – триста-четырееста метров, а то и меньше. Все что находится дальше, требует оптического прицела и хорошей индивидуальной подготовки стрелка, а не так, как сейчас...

Шпрок что-то попытался возразить, но, зацепившись взглядом за ленточку Креста военных заслуг в моей петлице, промолчал. А я продолжил:

– Вы спрашивали мое личное мнение – я его высказал. Во всем остальном – это прекрасная винтовка, интуитивно понятная неграмотным крестьянам, которых в армии большинство. Ни одной задержки при подаче патронов из магазина. Ни одного утыкания патрона. Ни одного перекоса. Никаких проблем с экстракцией стреляных гильз. И все это на старом дешевом патроне, который выпускают миллионами штук.

– Да-а-а... – протянул Шпрок, – я предлагал увеличить калибр хотя бы до шести и восьми десятых миллиметра. Тогда можно было бы делать зажигательные и трассирующие пули, но... мне ответили так же – патроны выпускаются миллионами, и никто перестраивать промышленность во время войны не будет.

– Правильно сказали, – подтвердил я. – Лучшее – враг хорошего... Вот обойма у вас удачная, подпружиненная и всего две клепки, когда перейдут на патроны с проточкой и избавятся от ранта, то конструкция вашей обоймы и тогда будет востребована, – припомнил я обойму от СКС⁷, очень похожую на то, что сейчас держал в руках, только вдвое длинней. – И механизм подачи патронов у вас очень оригинальный. Как вы его назвали?

– Револьверный.

– Неудачное название, господин инженер. Видел я револьверную винтовку. Так это просто длинноствольный револьвер, к которому приделали приклад. Нехорошо, если будут путать тех уродцев с вашей совершенной машинкой, – подмигнул я ему.

Инженер так и расплылся от похвалы. Ну как дети, ей-богу, эти творцы.

Шпрок спохватился, суетливо вынул затвор у винтовки и после нехитрой манипуляции с нажатием куда-то шила вынул механизм неотъемного магазина, который не выступал за габариты ложа винтовки.

– Вот, смотрите, господин флигель-адъютант, – он показал мне механизм, крутя его в пальцах. – Это как барабан револьвера, но без внешнего кожуха. С открытыми наполовину камерами. Вы продавливаете патроны из обоймы, и они, сдвигая вот эти крылья, проворачивают весь механизм по оси, сдавливая пружину. При выбросе гильзы пружина проворачивает ротор в обратную сторону, подставляя новый патрон под затвор. Таким образом, каждый патрон в магазине не соприкасается с другими. И этой нехитрой приспособой – крыльчатым ротором я обошел проблему, в которую утыкались все конструкторы магазинных винтовок до меня, – сцепление патронов рантами в магазине. А внешним кожухом этого как бы револьверного барабана служат стенки самого постоянного магазина. Все очень просто, когда подумаешься. А пока додумался, то оказалось, что я потратил на решение этой проблемы больше пяти лет и так недолгой нашей жизни.

– Как вы сказали? Крыльчатый ротор?

– Именно так.

– Тогда и назовите магазин своей конструкции «роторным». Будет точнее, и для уха приятнее. Также отпадут ненужные сравнения с револьверами. Кстати, если появится нужда зарядить вашу винтовку без стрельбы, это как делается?

– Очень просто. Ставите затвор в крайнее открытое положение на задержку и нажимаете вот здесь... – он показал, как это делается, на другой винтовке.

Все пять патронов весело выскочили один за другим, как чертики из коробки.

– А само сработать так не сможет? – обеспокоился я.

– Ни в коем образе, – гордо ответил конструктор. – Только при полностью открытом затворе. И только если с силой нажать на пружину.

– Какой завод будет выпускать эти винтовки?

– Пока не знаю. Своего завода у меня нет, – инженер с сожалением развел руками. – И это должно быть крупное предприятие... А таких арсеналов не так много в империи.

Я прикинул, что это знакомство с конструктором весьма и весьма нужное для меня, и попросил:

– Оставьте мне свой адрес на всякий случай. Думаю, что одно место, где будут выпускать вашу винтовку, я уже знаю. Жизнь она штука непредсказуемая. И если вы не против, то одну винтовку я заберу с собой для показа во дворец, минуя инспекцию.

Едва успел инженер накосячить карандашом несколько строк в блокноте, как раздался оглушительный взрыв на артиллерийской позиции, и мимо нас пролетело пушечное колесо.

– Ложись, – крикнул я, падая в грязь и сбивая с ног инженера.

⁷ СКС – самозарядный карабин Симонова образца 1945 года.

В штабной избе было душно и ужас как накурено. Не выдержав, я попытался открыть окно. Терпеть не могу застарелый табачный дым, а в помещении впору уже топор вешать.

– Кобчик, не стоит этого делать, – одернул меня начальник полигона, когда я взялся за шпингалеты. – Не нужно давать окружающим непроверенные и неподтвержденные сведения, чтобы не плодить вздорные слухи.

И отстав от меня, он продолжил распекать начальника артиллерийских складов.

– Выяснили, из какой партии был этот ящик со снарядами? – шипел Многан на несчастного фельдфебеля Элпе, лицо которого стало краснее помидора, а из-под кепи обильно катились струйки холодного пота.

– Так точно, господин майор, – чуть не заикаясь, докладывал фельдфебель, – это позавчерашняя партия с городского патронного завода. Пробная... Разрывные гранаты к полевым пушкам. С новой взрывчатой начинкой... этим... экразитом. Всего одна телега с ними пришла.

Слегка контуженный инженер с оружейного завода, сидевший рядом с Многаном, пожал плечами. Ему повезло – он стоял немного поодаль от оружейного двора, и взрыв его только отбросил да об землю брякнул, а осколки все мимо прошли.

– Нам что дают, из того и стреляем, – тупо заявил он в пространство.

– А где представитель патронного завода? – спросил я.

– Еще не приехал, – ответил мне Многан.

– Тогда какого рогатого демона в его отсутствие проводятся испытания? – кинул я мысль в общество. – Кто инициатор этого безобразия? Налицо нарушение регламента...

– Инициатор убит этим взрывом, – недовольно высказался инженер.

– Так точно, – подтвердил фельдфебель Элпе, – расписывался в получении ящика этих снарядов техник с завода... Как его... Но у меня, господин майор, все записано в амбарной книге на складе. И подпись его есть.

– Тупа его фамилия, – через губу признался инженер, наливая себе кипятка из самовара.

А у меня как-то закралось подозрение, что инициатором происшествия все же был не техник с говорящей фамилией. Впрочем, говорящая она только по-русски, а здесь означает род сливы. Что-то инженер, когда произносил эту фразу, неожиданно дробненько зазвенел стаканом в серебряном подстаканнике. Но, хлебнув горячего, инженер пришел в себя и дальше говорил уже уверенней. На мертвого можно все списать...

– Тупа хотел до приезда представителя с патронного завода лично испытать действенность новой гранаты по реальной мишени. По крайнему слева ДЗОТу... Ну, тому, который с дирижабля не смогли разбомбить... – И добавил нехотя: – У наших заводов несколько натянутые отношения.

– А где испытательный лист? – спросил начальник полигона.

– При нем был, – пожал плечами инженер.

– Нашли хоть что-нибудь от несчастного техника? – спросил я бывшего ефрейтора мишенной команды, произведенного за это время в унтер-офицеры.

– Ничего, господин старший фельдфебель, – ответил он. – Как испарился человек. Ни от него, ни от замкового, ни от наводчика... ничего не осталось. Так, полторы подметки от сапог. Но где чья? Поди разберись...

Накрылось возвращение домой, – мысленно сплюнул я со злостью. – Ну я вам в таком разрезе весь верхний планш выверну. «Просто хочется рвать и метать».

– Господин майор, – обратился я к Многану, стараясь, чтобы речь моя звучала как можно официальной. – В любом случае вам необходимо своим приказом назначить комиссию по расследованию этого инцидента и вызвать следователя из военной прокуратуры. Без этого не обойтись – жертвы есть. А те сведения, которые мы собрали к этому времени, оформить протоколом дознания. Вот лейтенант Щолич будет дознавателем, а вы напишете приказ о назначении его этим дознавателем.

Щолич блеснул в меня глазами исподлобья и только обреченно кивнул.

– Почему именно Щолич? – спросил начальник полигона.

– Потому что его тогда на артиллерийской позиции не было, – ответил я. – Он непредвзятая личность. Он в это время караулы проверял.

– И каковы версии? – устало пыхнул трубкой начальник полигона.

– Диверсия! – воскликнул инженер. – Враг не хочет, чтобы наша армия приняла на вооружение совершенное полевое орудие.

Многан поднял на инженера злой взгляд. Эта версия ему явно не нравилась.

– Заводской брак, – возразил инженеру фельдфебель Элпе, внимательно глядевший за полигонным начальством. – Некому тут у нас диверсии производить. Из пришедших на полигоне только вы, заводские, да горцы, которые весь день плац мели, на складах пыль стряхивали и по хозяйству отдыхали.

– Как это отдыхали по хозяйству? – не понял инженер.

– А что тут непонятного? – огрызнулся Элпе за своих временных подчиненных. – Круглое таскали, а квадратное катали. К складам с боепитанием они даже близко не подходили – те локально отгорожены колючей проволокой, как то и положено наставлением. Занимались горцы разборкой старой материальной части. Вон господин флигель-адъютант, когда еще у нас служил, подал мысль, что у нас тут за полвека столько всего разного накопилось, что можно создать неплохой музей в городе. Хотя бы при Политехническом институте, чтобы новая поросль инженеров не изобретала заново тупиковые решения. А у нас на складах место освободить. Двойная выгода. Я об этом своему городскому начальству докладную записку подавал еще зимой. В ответ приказали составить список будущих экспонатов для вывоза. А тут вчера мне горцев навязали. Ну я их и припряг к делу, с утра они только этим и занимались. Ни к новой пушке, ни к складу боепитания даже не подходили.

– Помню, у тебя обвалованная площадка была на складах, – уточнил начальник полигона. – Она сохранилась?

– Так точно. В настоящий момент пустая она, – ответил фельдфебель.

– Вот туда срочно все эти ящики с новыми гранатами и сложишь, прикрыв от дождя. Не хватало нам, чтобы еще склад боепитания на воздух взлетел вместе со всем полигоном.

– Будет исполнено, господин майор, – взял под козырек Элпе.

– Тогда что стоишь тут? Действуй.

Когда за фельдфебелем захлопнулась дверь, майор спросил персонально меня:

– А ты, Кобчик, что думаешь об этом? Выдай-ка нам очередную свою завиральную идею, – усмехнулся он в усы, но без злобы.

– Да чтоб у меня хоть одна такая завиральная идея завелась, – с завистью выговорил лейтенант Щолич, забывчивая папиросу в пепельнице, где окурки лежали уже горкой. – Я бы уже богатым был.

– Я думаю, господа, что причина в новой взрывчатке, – выдал я свою версию. – Но тут необходимо химию смотреть. Специалист нужен узкий, а у меня только школьный курс. Но чуйка об этом верещит громко.

– Вот-вот... – всколыхнулся инженер, – наша пушка тут ни при чем.

– Контрразведка все выяснит, – наванговал Щолич.

– Извини, Кобчик, но покидать полигон до приезда представителя военной прокуратуры я тебе запрещаю, – заявил майор Многан.

– Записку-то хоть в город с вашим посыльным отправить можно? – спросил я у него, понимая, что на полигоне я застрял надолго.

– Кому записку? – спросил майор с некоторой опаской в тоне голоса.

– Точнее две записки, господин майор. Одну семье, что я тут задерживаюсь, чтоб не беспокоились понапрасну. Вторую – генерал-адъютанту Онкену, что я задерживаюсь у вас из-за состоявшегося на полигоне инцидента.

– А без этого никак? – с надеждой спросил Многан.

– Никак, – твердо ответил я. – У меня приказ генерал-адъютанта сегодня вернуться в город и предстать пред его светлые очи в правом крыле дворца. Так что либо сам я, либо депеша от меня сегодня должны быть в его канцелярии.

7

– Наливай, не жалея, – поторопил я Элпе нравоучительной проповедью, – и гения нашего не пропусти. Нам после такого лечиться надо долго – нервные клетки не восстанавливаются. И нет ничего лучшего из лекарств, чем хорошо очищенная можжевеловая водка. – Ну, за то, что мы сегодня живы остались... Вздروгнули...

Поднял я тост и залпом опрокинул в рот содержимое граненой стопки.

– Молодец, фельдфебель, – проговорил я с набитым квашеной капустой ртом, ощущая, как тепло от выпитой водки разливается «по зебрам». – Хорошо рецепт усвоил. Можешь после войны водочный заводик открывать. Миллионером станешь. Обязательно. Лишь представь себе, сколько народа после фронта сопьется, чтобы только забыть ужасы окопной войны... Ты только заранее рецепт можжевеловки запатентуй. А то стырят, оглянуться не успеешь. И патентуй по-хитрому... просто рецепт водки, настоящей на можжевеловых шишках. Не раскрывая тонких секретов производства. Их ты сыновьям передашь.

Фельдфебель попытался было возразить, что это я ему дал такой рецепт. Но я его заткнул на полуслове.

– Твое все, Элпе. Все твое... А мне и моего хватает... Вот возьмем и с нашим оружейным гением Шпроком, – хлопнул я по плечу конструктора, – сконструируем самозарядную винтовку. Чтобы затвор вообще не передергивать. А что? Запросто!

Взял бутылку, посмотрел на ее пустое донышко и убрал со стола.

Элпе, понимая меня без слов, выставил на стол новую емкость с можжевеловкой.

– Генералы нас не поймут, Кобчик, – пьяненько возразил Шпрок, выковыривая из зубов застрявшее волокно бекона. – Скажут – излишний расход патронов. Не нать им такого... У них солдат-дурак и просто в чистое небо патроны жжет от страха.

Не дозрел еще инженер до автоматов, но это дело поправимое. Главное сейчас затащить его на наш «Гочкиз» и обязать контрактом по самое не могу. Он уже и сам готов к тому, что его винтовку в очередной раз не примут на вооружение. Сколько раз уже такое было... два или три... Жаловался он нам уже и на Главное имперское артиллерийское управление, и на то, что отогузский король в лице своего инспектора артиллерии уже успел ему отказать даже без испытаний новой винтовки. Королевский арсенал в Будвице его последняя надежда. Разбрасывается империя гениями, а нам на фирму они так очень даже нужны. Ну не будет боевой винтовки, зато будет классный охотничий карабин. При правильной рекламе если не озолотится, то на жизнь хватит... Главное, чтобы Гоч не возревновал коллег не по делу...

Подруга фельдфебеля, которую я так в прошлый раз и не увидел – миловидная круглолицая чернобровая светлоглазая крестьянка лет тридцати, вся такая пухленькая и округлая, приятная из себя, все крутилась вокруг нашего стола, не зная, куда еще приткнуть очередную миску с домашними разносолами. Заботливая...

– И ей налей, – кивнул я Элпе, – пусть также за нас порадуется. Считай, мы со Шпроком второй раз родились.

– Да что вы, ваши милости, да не пью я ничего такого крепче бражки, – вяло отмахнулась от меня женщина. – Вы лучше кушайте на здоровье. А то вы сегодня все пьете и ничего не закусываете. Али не по нраву вам наша деревенская еда?

В последней фразе одно женское расстройство за невнимание к ее стряпне.

– По вкусу, милая хозяйшка, по вкусу все... И не величай меня милостью, я сам деревенский, – попытался я ее успокоить.

Еда очень даже вкусная, но в глотку не лезла... А напиться, наоборот, хотелось просто в лохмуты. Еще одной отсидки в секретной тюрьме контрразведки мне не выдержать. Особенно

если меня контрики Эликой с сыном шантажировать начнут. Сразу подпишусь, что я гондурасский шпион. Путь потом они по местному глобусу Гондурас чешут до посинения.

– Ой! Да как же это... Ваша милость... Вы же королевский адъютант? – смутилась женщина.

– И что из того, бабонька? – возразил я, несколько теряя дикцию и координацию. – Война когда-нибудь закончится, демобилизуюсь и снова стану деревенским кузнецом, – покривил я душой, рисуясь, потому как нащупал уже в этом мире свой промысловый тазик на золотой россыпи технических идей. Кто ж от такого заработка добровольно отказывается?

Тут пока такой период жизни, что инженеры фонтанируют самыми разнообразными идеями. Мало того, поголовно пытаются воплотить их в металл. Часто даже за свои деньги и весьма экзотическими способами. А я таки просто знаю, что в итоге приживется. Послезнание называется. Мой выигрышный билет и мое проклятие.

Давно я так не сидел душевно в хорошей компании. Остатний раз как домой после дембеля вернулся. Из Российской еще армии...

– Черный во-о-о-орон, что ты вье-о-о-о-ошься... да над моею-у-у-у головоо-о-о-о-ой. А ты добы-ы-ы-ычи не дождешься... Черный во-о-о-орон, я не твой, – затащил я под настроение.

– Это на каковском языке? – спросил икнувший Шпрок. – На рецкий вроде не похоже?

– На нашем... На горском... – ответил я и прекратил петь, обломался.

Вот так и прокалываются Штирлицы, блин... на буденновке и на волочащемся по мостовой парашюте. А Шпрок клятый кайфолом...

– Давай я тебя спать отведу, – встал Элпе и заботливо взял меня за плечи. – Тебе не помешает.

После совещания майор Многан энергично закрутил многоплановую перекрестную операцию по прикрытию наших задниц. Опыт – великая вещь! Его не пропьешь и не потеряешь.

Для начала обвешковали место происшествия и по вешкам пустили красный шнур для заметности. Запретная зона, так сказать.

Потом мишенная команда разбрелась по полю и где находила хоть самый малый фрагмент злосчастной пушки, втыкала рядом с ним вешку с красной тряпкой, ничего не трогая. Пусть инженеры потом голову ломают, почему колесо от пушки улетело на двести метров. А где находился фрагмент от тел несчастных канониров, то вешка втыкалась с желтой тряпкой.

Одновременно фельдшер составлял протокол телесных повреждений погибших, а погиб весь расчет – шесть канониров и техник-испытатель с завода. Трех вообще ложками в котелки собирали. Протокол такой велся на все случаи жизни со схемой, откуда и куда летели те поражающие элементы, которые привели к смерти солдат.

После всех патологоанатомических процедур отнесли трупы погибших в ледник. Для прокурора уже. Только он мог дать команду на погребение.

Когда фельдшер ушел, на оружейном двореке поставили часового с винтовкой, чтобы гонял оттуда всех любопытных невзирая на чины.

И только потом Многан облегченно присел за стол и собственноручно обстоятельно составил донесение.

Попутно собрав все наши частные записки, отправил с этими бумагами посыльного верхами в город. С заводной лошадей. Чтобы начальство видело, что старательный начальник полигона стремился как можно быстрее до него донести плохие вести. У нас же не восток, где за плохую весть рубят голову, а за хорошую пришивают вторую.

Оставалось только дожидаться прокуратуру и высокое начальство от армейского штаба с большой торбой люлей на всех. Как же без этого? Виноват – не виноват, а наказан быть обязан. Начальству также отчитываться перед своим начальством, которое первым делом спросит о

принятых мерах. Тут и пригодится генералу список уже наказанных им. А дважды за один и тот же проступок карать по уставу не положено.

И все это время несчастный лейтенант Щолич тягал к себе поодиночке свидетелей трагедии и допрашивал их под протокол, который вел начфин полигона перемазанными в чернилах пальцами. Накурили в кабинете субалтернов так, что войти туда было страшно.

Не обошла эта процедура и меня. Но что я мог сказать... услышал взрыв за спиной, увидел пролетавшее рядом колесо и упал, повалив на землю инженера... Все. И все мои меры запоздалые, пролети это колесо на метр левее... Был бы восьмым кандидатом на склейку ласт.

К ужину стопка отчетных бумаг превысила объем трех толстых папок. Вот теперь для прокуратуры имеется масса развлечений – они же полезные занятия, тонко направленные на выявление производства бракованных снарядов на патронном заводе. Это если не сказать большего... Думаю, контрики за это дело охотно ухватятся и трясти патронный завод будут как грушу, с энтузиазмом, достойным лучшего применения. Благо для всех нас, представителя этого завода на полигоне не было, и возразить по существу дела по горячим следам он ничего не может.

Ах да... К обвалованной площадке, куда сволокли эти новомодные унитарные гранаты, снаряженные экразитом, также поставили часового, чтобы тот никого к этим ящикам не подпускал. С приказом стрелять в каждого, кто подойдет без представителя военной прокуратуры. Рулил внештатными постами взводный унтер – подчиненный Щолича, исполнявший в тот день должность начальника караула.

И все, делать больше было нечего, разве что занять чем-либо личный состав, чтобы не болтался без дела по полигону. Но на это у них непосредственные командиры есть.

Ну а мы в домике складского фельдфебеля водочкой сели оттягиваться, иначе вообще с ума сойти можно. Мы – это я, конструктор Шпрок и Элпе как принимающая сторона.

Совсем забыл. Перед пьянкой еще одно мероприятие образовалось с моим участием. Заводские перцы не успокоились, лукаво учтя, что прямого запрета на продолжение испытаний не было объявлено (но вроде как всеми такое понималось по умолчанию), после обеда шестеркой стирхов погнали от складов на вторую артиллерийскую позицию передельную полковую пушку.

Оставшийся полигонный расчет вез орудие с великой неохотой. Как на казнь. И мне стало жалко солдатиков. С таким настроением без ЧП обычно не обходится. А оно нам надо?

Я на плацу заступил им дорогу и, качнув аксельбантом, поднял правую руку.

– Расчет, стой!

– В чем дело, фельдфебель? – наехал на меня инженер с завода, слезая с передка.

– Сколько весит эта пушка? – спросил я его.

– Тысяча двести килограмм без зарядного ящика. Вы это к чему?

Его вопрос я пропустил мимо ушей. Вместо ответа, мило улыбаясь, приказал:

– Даю вводную. Враг нанес шрапнельный удар. Убит весь расчет и все животные. Задачу поддержать войска в наступлении огнем и колесами никто не отменял. Запасной расчет, составленный из представителей завода, должен выкатить орудие на позицию вручную. Приступать!

– Как это? – оторопел инженер, проглядывая маршрут через плац на артпозиции полигона. Где-то метров восемьсот туда тащить пушку как минимум.

– Каком кверху! – ответил я. – Это война! Не поддерживайте сейчас пехоту – она вся ляжет, охренеет в атаке, и виноват в этом будет артиллерийский командир, не подавивший вовремя пулеметные гнезда. В данном случае это вы, не выполнивший боевой приказ. А что бывает на фронте с теми, кто не выполнил приказа? Знаете? Их расстреливают перед строем.

Довольные канониры, пока инженер со мной препирался, успели в рекордный срок выпрячь стирхов и погнали их в сторону конюшни.

Инженер обернулся.

Солдат нет.

Тягловых животных нет.

Одни заводские переминаются около у пушки.

– Выполнять! – приказал я – Или я составляю рапорт о том, что вы сорвали важнейший элемент испытаний новой техники на ее годность работать на переднем крае.

И щелкнул крышкой подаренных мне Вахрумкой золотых часов, засекая время.

Глядя, как заводские рабочие с натугой корячатся, пытаюсь сдвинуть пушку с места, я только покрикивал на них:

– Что? Лямки не предусмотрены? И даже креплений для лямок нет? Тогда ручками, ручками... Пробуйте, каков на вкус солдатский хлеб. И не жалуйтесь, потому как сами такое угрёбище сделали, что не можете с ним выполнить примитивного боевого задания... Вчетвером лафет приподнимите, а остальным колеса крутить... Господин инженер, а вам особое приглашение требуется? Впрягайтесь! Это же ваше детище! И не лапайте его, как любимую женщину, а толкайте...

Вышедший на шум из штабной избы майор Многог, выяснив, в чем дело, сказал только две фразы:

– Продолжайте, флигель-адъютант. Правильное начинание.

И подмигнул мне озорно, но так, чтобы не увидел инженер.

А у меня в голове щелкнуло, как в старом арифмометре со звоночком, и поплыли перед глазами формуляры технического задания для полковой пушки.

Так как миномет по мнимому треугольнику сделать совсем несложно, но практически невозможно при нынешних технологиях изготовить для него сами мины, то полковушка должна иметь короткий ствол и большой угол возвышения, чтобы стрелять и как пушка, и как мортира, что очень важно именно в состоянии позиционного тупика. Главная ее цель не борьба с батареями противника, а уничтожение укрытий живой силы, ДОТов, ДЗОТов, наблюдательных пунктов, блиндажей и пулеметных гнезд. Так что трех-четырёх километров дальности выстрела за глаза. И на таких дистанциях вполне можно оставить старый механический прицел как более стойкий к внешним воздействиям агрессивной среды фронта. А то вообще винтовочный предусмотреть для прямой наводки.

При этом, как уже сделано было на опытовой четырехдюймовой гаубице, учесть возможность как стрельбы унитарными патронами, так и раздельно-гильзовое зарядание. Унитарными, совместимыми со снарядами дивизионной трехдюймовки, стрелять по-пушечному, а раздельным зарядом – по-мортирному манеру.

А вот вес пушки не должен превышать возможности расчета катать ее руками по лунному пейзажу переднего края. Как выражаются сами артиллеристы, «пешим по конному». При массе грубо в полтонны уже все равно, что привычный однобрусовый будет лафет, что революционный раздвижной. Тем более что танков у противника не предвидится даже в проекте, так что отсутствие быстрого наведения на большой горизонтальный градус не фатально.

Заводские перцы все же докатили на морально-волевых усилиях пушку до артиллерийского двора и упали на бруствер перекурить.

– Так... – сказал я ехидно, щелкнув крышкой часов. – Непорядок... Очень и очень медленно. Враг вас ждать не будет, господа. Почто расселись?

Непонимающие глаза впились в меня с неодобрением. Под мышками ткань спецовок потемнела, из-под их мокрых шевелюр по вискам тек пот.

– Чем стрелять будете?

– Так... это... зарядный ящик есть... – промямлили мне в ответ.

– Где есть? Не вижу, – демонстративно оглядел я артиллерийский дворик.

– Тама... на плацу... – ответили мне лениво.

– И что он там делает?

В глаза рабочих стало возвращаться осмысленное выражение.

– Вот-вот... – сказал я, видя, что до них стало что-то доходить. – Бегом!

Только инженер остался на бруствере, выпуская сизый дым в чистое небо.

– Нельзя так издеваться над людьми, – заявил он мне осуждающе.

– Значит, по-вашему выходит, что солдаты империи, слуги императора – не люди? – переспросил я его.

– Я этого не говорил... – буркнул он, втыкая бычок в бруствер.

– Но подразумевали, раз сделали такое тяжелое орудие. Не соответствующее заявленным задачам его использования.

– Чем кончилось учение? – участливо спросил незаметно подошедший к нам на позицию майор Многог.

Из-за его спины любопытствовал лейтенант Щолич.

– Ничем, господин майор, – ответил я начальнику полигона. – Осмелюсь доложить, что полковая передельная пушка нового образца испытания не прошла.

– Да мы же из нее ни разу еще не выстрелили! – возмущенно вскочил на ноги инженер.

– Вот именно, – ответил я ему. – А должны были открыть огонь еще пятнадцать минут назад. Так что возвращайтесь на завод. Новое техническое задание на полковую пушку вы получите обычным порядком. И помните, ваш главный враг – вес пушки. Снизить его вдвое без потерь прочности ваша задача. На то вас, инженеров, считать учили.

И повернувшись к Многогу, заявил:

– Господин майор, вам не кажется, что настало время обеспечить заводы кадрами военных представителей, хотя бы из увечных офицеров по ранениям не пригодных к службе в строю, но имеющих опыт современной войны?

А только потом уже была пьянка. И кажется, не у нас одних.

8

Утром побудку на полигоне устроил не горнист, а рев и паровозные свистки тяжелых паровых тягачей. Это вместо прокуратуры неспешным ходом прибыли на полигон три больших рутъера и притащили на буксире пару модернизированных длинных шестидюймовок. И прицеп со снарядами к ним.

Выглядели эти пушки несколько архаично на своих высоких клепаных лафетах с узкими спицованными колесами. Толстый ствол не менее тридцати калибров длиной имел форму узкой бутылки. Никакой защиты расчета не предусмотрено. Зачем, если они стреляют с расстояния, куда даже шальные пули не долетают.

На прицепе, прямо на ящиках со снарядами притулились, опершись на борта, два десятка невыспавшихся армейских канониров. Бедные солдатики небось все ягодицы о жесткие ящики себе отбили, пока двадцать километров к нам шкандыбали по ухабам. Ночью.

Офицеры занимали мягкие места в открытых кабинах тягачей, рядом с механиками.

Все это выкатилось на полигонный плац, встало в аккуратный рядок, и рутъеры совсем по-паровозному дружно выпустили последний пар, как бы с облегчением обозначив: все, конец пути.

– Вот только вас мне тут и не хватало, – со злобой выговорил наспех одетый Многан командовавшему всей этой паровой ордой капитану. – Очень уж вы не вовремя приехали, братцы.

– Господин майор, – возразил ему огромный, похожий на гризли командир прибывшей команды, – у меня предписание. Согласно ему я и явился всего лишь на час раньше указанного срока. Для этого мы всю ночь катались по вашему проселку. И до города добраться надо было по железке. Пока разгрузились на вокзале, пока пары развели, доехали... Скорость-то у нас не больше пешехода. В каждой пушке двести пудов, между прочим.

– Ладно... – примирительно сказал Многан. – Пока прокурор не приехал, пошли чаю глотнем и дадим команду на размещение ваших орлов и постановку их на довольствие.

И они скрылись в штабной избе, хлопнув дверью.

А я, несмотря на похмелье, с интересом рассматривал рутъеры – эти паровозы проселочных дорог. Было в них что-то такое... Завораживающее. Романтичное. Как и в самих паровозах. Чего никогда не ощущалось даже от самого красивого автомобиля с двигателем внутреннего сгорания.

– Вы будете Савва Кобчик? – спросил меня офицер, застегнутый в черную кожанку без знаков различия. Раньше хоть ворот с петлицами из таких курток выпирал, а сейчас при новом полевом обмундировании погон под кожей не видно. Только кортик из-под полы кожана болтается.

– Так точно, – согласился я. – С кем имею честь?

– Лейтенант лейб-гвардейского дивизиона артиллерии особого могущества Атон Безбах. Командирован его величеством на должность заместителя командира по артиллерийской части бронепоезда «Княгиня Милолюда». Вот мои бумаги.

Лейтенант был явно с отогузской кровью. Крепок. Невысок. Черняв. Кареглаз. На оземца он совсем не похож. Полагаю, больше на местных смахивал.

– И как будем делить командование, лейтенант? – спросил я его, рассматривая документы.

Вопрос с подчиненностью в моем положении очень серьезный, так как гвардейский лейтенант приравнивается к армейскому капитану и может при желании качать права о старшинстве чинов. Тогда коту под хвост вся служба... если не хуже. Вместе с котом в кобылью щель.

– Вы руководите боем и показываете мне, куда стрелять, я рассчитываю и стреляю, – ответил он. – На разницу в чинах его величество особо рекомендовал не смотреть. И не чиниться с вами. Командир – вы. Я подчиненный.

– Рецкий язык знаете?

– Так... пару фраз... и те неприличные, – смущенно улыбнулся он.

– А у нас один броневаягон рецкими горными канонирами будет оснащен. Такие вот пироги, господин лейтенант. И не изменить этого – большая политика вмешалась.

– Засада, – покачал он головой. – А у вас как с рецким?

– Хорошо у меня с рецким. Я сам рецкий горец с горы Бадон, – улыбнулся я его непониманию. – У нас там не все радикальные блондины, бывают и такие, как я. – И резко поменил тему: – Вот что я подумал, лейтенант... Горцев поставим на знакомые им трехдюймовые системы, а вот на броневаягон с четырехдюймовыми гаубицами набирайте экипаж сами. Справитесь?

– Куда я денусь, господин флигель-адъютант? – улыбнулся он. – Можно отбирать из госпиталей? Или только с маршевых лагерей?

Вот так вот... когда ко мне хотят проявить уважение, то кличут адъютантом, намекая на то, что это звание придворное. А когда хотят поставить на место, то тычут в лицо фельдфебельством. Вот она двойственность моего статуса. Во всей красе.

– Можно... Из госпиталей даже предпочтительней, так как люди там пороха уже понюхали. Нам это важно. Стрелять по нам будут больше, чем по пехоте в окопах. И еще... чтобы не чиниться... называйте меня вне строя и в боевой обстановке коротко: «командир». А когда наедине или вне службы, то просто Савва.

– Тогда я для вас – Атон, – протянул он правую ладонь. – Мы почти ровесники.

И мы крепко пожали друг другу руки.

Вроде сработаемся. Ладонь у него сухая, крепкая, пожатие без дурацких нажимов, типа «я все равно сильнее тебя буду».

– Разрешите курить, командир? – и улыбается, засранец.

– Курите, – разрешил я, игнорируя подколку. – Только отойдем в курилку. Не будем подавать солдатам плохой пример.

Не успел Безбах раскурить свою большую трубку, как за нашими спинами раздался знакомый голос, но с незнакомыми просительными интонациями:

– Господа, можно к вам присоединиться?

– Не занято, – ответил лейтенант, окутываясь медовым дымом с приятными оттенками запаха сушеного чернослива.

Заводской инженер зашел в курилку, сел на противоположную от нас лавку, вынул папиросу, постучал ею по портсигару, но закуривать не стал. Повел дозволенные речи.

– Господин флигель-адъютант, – обратился он ко мне, – я тут подумал над тем, что вы вчера говорили... и вот что мне пришло в голову. На заводе есть немного недоделанная горная гаубица, от которой отказалась армия только потому, что ее люлька непригодна для выючки. Но вам же не требуется это орудие разбирать и выючить. Вам надо его руками катать по полю. Соответственно неразъемное орудие будет крепче, и вес его будет меньше. Там, правда, четыре дюйма калибр, но уменьшить его до трех несложно.

– А сколько весит эта гаубица? – спросил я.

– Чуть больше тонны. Но если ее не делать разборной, то масса существенно уменьшится. Да и трехдюймовый короткий ствол будет легче. А вот с передельной пушкой я не знаю, что и делать. Задание-то дано – надо выполнять. А бронзовый ствол по-всякому тяжелее. К тому же он намного толще стального.

– Это та бронзовая трехдюймовка, которую восемь лет назад сняли с вооружения? – спросил лейтенант и, не дожидаясь ответа, задал второй вопрос: – Тумбовые лафеты склепать на нее можете?

– Ни разу не проблема, – с готовностью откликнулся инженер. – Что-то по типу морского лафета?

– Именно, – согласился лейтенант. – Казематного типа. Нам на бронепоезде вес не так критичен, как для пехоты.

– Позвольте, лейтенант, но на «Княгиню Милолюду» орудия уже отобраны, – возразил я.

– Там в проекте, командир, как я посмотрел, не хватает погонного и ретирального орудий. Именно коротких, чтоб много места не занимали в броневагоне. Плюс... это же не последний бронепоезд в имперской армии. Так что вы, Кобчик, родоначальник нового вида войск. Гордитесь. К тому же у нас и шпальный эрзац, можно им довооружить вместо полевых орудий с колесами. Сколько места освободится. У-у-у...

– Вы меня просто спасаете, господа офицеры, – приложил руки к груди инженер, сияя от счастья.

«Ну да, – подумалось мне, – ночь без сна проворочался, прикинул к носу, каких люлей ему выпишут на работе за провал испытаний, и пришел мириться».

– Уговорили, – усмехнулся я. – В отчет я добавлю, что с переделками ваша пушка годна для вооружения эрзац-бронепоездов казематного типа, для противотурмовых казематов фортов и крепостей, но не пригодна в качестве полкового орудия переднего края. Вас так устроит?

– Большое спасибо! – рассыпался в благодарностях инженер. – Вы меня спасаете.

– Баллистика этих стволов вам известна? – спросил я лейтенанта.

– Она всем известна. Эту пушку до сих пор в юнкерском училище изучают, – ответил он. – А вы, командир, не пушкарь?

– Нет, лейтенант. Я техник.

– Понятно... – протянул Безбах.

Что ему там понятно, я так и не узнал. Инженер перебил.

– Вы приезжайте к нам на завод, – пригласил он. – Там на месте все виднее. И покажем и расскажем... Все наши возможности. И сделаем все как вам нужно.

– Обязательно приедем. Не сомневайтесь, – ответил за меня лейтенант. – Пишите адрес...

И тут на плацу нарисовались прокурорские... числом две тушки... на велосипедах. Совершив круг почета вокруг тягачей с шестидюймовками, они подкатили к штабному домику и спешили возле крыльца. Прислонили своих педальных коней к стене, сняли плащ-накидки и стали видны их светло-зеленые обшлага мундиров.

Как я их сразу исчислил? А!

Велики смешные... переднее колесо больше заднего, не намного, но все же... и передача с педалей ременная. Переднее колесо крепится на прямой вилке. Винтаж!

И тут меня как торкнуло, что на механические многоствольные пулеметы в бронепоезде можно поставить велосипедный привод педальный для ног, вместо того чтобы рукой крутить ручку вращения стволов. Рукой лучше крутить маховик горизонтального наведения. Цепной, конечно, привод... надежный... не это ременное уёжище. Хотя тут и станки на заводах на ременных приводах пока все.

– Пошли, лейтенант, пива выпьем, – предложил я, страдая от похмелья.

– А где?

– Недалеко. В гаштете.

– Так в это время еще не подают, – округлил он глаза.

– Смотря кому, – ухмыльнулся я.

Мне за собственноручно изготовленный бесплатный самовар в этом гаштете наливать будут, даже если я содержателя ночью разбужу, с бабы сняв.

И мы дружно потопали в полигонный чипок.

– Так, господа, я настаиваю, что прежде чем мы начнем разбирательство с трагическим происшествием на полигоне, сопряженным со многими аспектами военной тайны, то со всех... – усилил я голос некоторым нажимом. – Я повторяю, со всех требуется взять подписку о неразглашении.

– Что вы себе позволяете, фельдфебель? – с гневом воскликнул старший прокурорский чин.

– Позволяю, советник, – твердо ответил я. – И не как гвардии старший фельдфебель. Но как флигель-адъютант его величества. Так что считайте, что это требование вам дано именем короля.

– Да... но как же?... А если будет суд? – слегка сократился прокурорский в своих амбициях.

– Тогда и с судей будет взята подписка о неразглашении, а само судопроизводство будет проходить в закрытом режиме, – выдал я. – Лучше для всех будет, чтобы такое судебное заседание состоялось как выездное, здесь же, на полигоне. Так легче будет всем сохранить военную тайну. И провести перед судьями следственный эксперимент прямо на месте.

– А честного слова дворянина разве уже недостаточно? – не отставал в своих амбициях от старшего товарища младший прокурорский чин.

– Подписка и есть честное слово, только задокументированное, – во я выдал! – Вы как юрист должны это понимать лучше меня. Или вы желаете поделиться предметом сегодняшнего разбора с кем-то сторонним? – Я посмотрел ему в глаза и добавил: – О том, что здесь будет раскрыто, никому нельзя сообщать, даже жене в постели.

– Это вы зимой держали голодовку? – вдруг спросил меня старший прокурорский.

– Я, – не стал закипать.

– Тогда я умываю руки, – сообщил старший прокурорский. – И отдаю данное дело на правосудие короля.

И развел руками.

– Вам и книги в руки, – примирительно высказался я. – Но осмелюсь дать один совет. Так как дело это в перспективе громкое и очень влиятельные люди попробуют надавить на правосудие, то составляйте документы с большей, чем обычно, тщательностью. И с полным соблюдением процессуальных процедур. Ловить вас будут «крючки» за запятые...

– В таком случае, господин майор, – повернулся советник юстиции к начальнику полигона. – Я требую выделить мне караул из солдат, которых не было в тот день на полигоне. И обеспечить меня двумя писарями одновременно.

– Зачем двумя? – удивился Многан.

– Караул будет отделять уже допрошенных от ожидающих, чтобы те не могли им сообщить задаваемые вопросы, и не даст им общаться до конца процедуры снятия первичного допроса. А два писаря будут вести одновременно два протокола независимо друг от друга.

– Никогда не было так сложно... – пробормотал майор.

– Тут дело не столько в том, что погибли канониры, сколько в том, как верно заметил господин флигель-адъютант, что сейчас вокруг военного ведомства крутятся самые разнообразные лоббисты производителей взрывчатых веществ, – прокурорский вынул клетчатый платок и вытер выступивший на лбу пот. – И юристы у них на службе еще те волки.

– Вот поэтому я и настаивал на подписке, – улыбнулся я.

Старший прокурорский мне понятиливо кивнул.

– Может, просто задвинуть эту взрывчатку в архив вообще как опасную? – предложил Многан.

– А что мы имеем вместо нее? – возразил я. – Только порох, черный и бездымный. Еще аммонал. Но все это не бризантные, а фугасные взрывчатые вещества. А в разрывной гранате нужна именно бризантная взрывчатая масса. Не окажемся ли потом именно мы виноватыми в том, что могли приблизить победу, а по косности своей отказались от правильного рецепта?

Многан только молитвенно поднял глаза к потолку.

В дверь постучали. Всунулся на полкорпуса унтер – начфин и доложил:

– Там эта... господин майор... с патронного завода приехали... ругаются грязно.

– Давай его сюда, – прорычал Многан.

– Их двое, господин майор.

– Обоих и гони сюда, – приказал начальник полигона, повысив голос.

Дверь моментом закрылась.

– Ну так мы пришли к соглашению по подписке о неразглашении?... – спросил я. – Простите за невольный каламбур.

– Пришли, – подтвердил старший прокурорский и приказал своему коллеге: – Иди к писарям – готовь формуляры на всех.

И повернулся ко мне:

– Но все же... мне кажется, что вы там у себя во Дворце все страшные перестраховщики, – констатировал прокурорский.

– Лучше перебдеть, чем недобдеть. – усмехнулся я.

9

На дачу показаний я так и остался в кабинете Многана, чтобы быть первым, пока не успела образоваться очередь из жаждущих быстрее покончить со всеми этими формальностями.

«Отстрелялся» я под протокол по-быстрому и ушел на свое старое место в избе Элпе разбирать почту. Вот-вот, именно почту, которая пришла в мой адрес на полигон, пока я время на прокурорских тратил.

Расписался я военному почтальону из штаба за полдюжины больших пакетов и в благодарность приказал именем короля его задержать на полигоне до конца расследования. Во избежание, как говорится... Не одному же мне страдать?

Аккуратно разложил пакеты на столе и за неимением бумажного ножа вскрыл их наградным кортиком.

Итак, кому я оказался нужен на этот раз?

Императорский комитет по изобретениям отказался считать изобретением мой брезентовый ранец, потому как налицо простая замена материала уже известного образца, давно принятого на вооружение. Действительно, прав был поверенный, долго они там все рассматривают. Я уже и думать про этот ранец забыл, столько всего за это время случилось. Но в утешение комитет прислал мне красивое авторское свидетельство на рационализаторское предложение. А брезентовый ранец признал годным как мобилизационный вариант амуниции в условиях ограниченности ресурсов.

Даже чек за рауху прислал мне на дюжину золотых кройцеров. В том же пакете. И то хлеб... Два моих месячных оклада жалованья как-никак...

С сидором вышло хуже. Если перевести с канцелярита на человеческий язык, то меня покрыли позором и нехорошими словами за то, что я превращаю армию в балаган хора блатных и нищих. Пытаюсь позорить имперских солдат неподобающим видом. Пристыдили, в общем...

Ладно, посмотрим, что вы, господа, скажете, если война продлится еще годика два-три... Когда не с кого станет шкуры драть... А конопля она сама растет по всей территории империи.

Та же участь постигла и укороченный штык, совмещенный с ножницами для резки проволоки, по типу калашниковского. Признали за оригинальное изобретение, но на вооружение ставить отказались. Слишком сложен он оказался, да и дорог в изготовлении. К тому же короток и непонятен по тактическому применению, по мнению военных экспертов.

Премию дали поощрительную... путевку по ленинским местам в Сибирь...

Шучу...

Десять золотых как с куста.

И красивое авторское свидетельство на изобретение.

Вот Y-образную ременно-плечевую систему поддержки носимой амуниции для солдат в полевой униформе одобрили. Засчитали за новое изобретение. Приняли на вооружение. И премия составила аж... двадцать пять золотых, как за идею железнодорожных пушек.

М-дя... не шибко император разбежался обогащать своих изобретателей. Держит, как нужных поэтов, в полуголодном тонусе... А ведь патенты эти ушли в собственность государства. Навсегда.

А главное, совершенно не понять, по каким критериям эти премии распределяются.

За революционный метод штамповки штыковых лопат вместоковки, что экономит кучу времени и рабочей силы, – двадцать пять золотых, а за «стоячий» кульман, он же «инженерный центр» с двумя подвижными рейсшинами на шарнирной штанге, объединенными с транспортиром – сто! Хотя все части такого кульмана, разве что кроме самой металлической стойки

и плоских шарниров, давно всем известны, просто раньше никто не догадался соединить все в единое целое.

А вот малую пехотную лопатку, оказывается, запатентовали до меня... Некто Крондель, унтер-офицер 10-го пехотного полка с Западного фронта, сподобился это сделать еще осенью, когда мы укрепрайон с Вахрумкой инспектировали под холодным косым дождичком.

Не жалко.

Не стоит даже пытаться в одно рыло впихнуть невпихуемое.

Главное, что на вооружение ее поставили и включили в перечень обязательной амуниции пехотинца.

Еще получил семьдесят золотых премии за изобретение отбойного молотка, работающего от пневматического компрессора, нагнетаемого паровым локомотивом. В авторском листе изобретателями значились Вахрумка, Дубчик и Кобчик в равных долях. Вот как мое письмо выстрелило. Я на такое даже не рассчитывал, когда Вахрумке в горы отписал свои мысли по поводу ускорения прокладки тоннелей. Видать, дельный инженер этот Дубчик. У Вахрумки, как я понял, не особо-то и свободного времени много при руководстве такой неординарной стройкой, что каждый день требует революционных решений. Да и строитель он, а не механик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.